9(C)
T. 43
F. 86

Е. Ф. ТУРАЕВА-ЦЕРЕТЕЛИ и Е. И. де-ВИТТЕ.

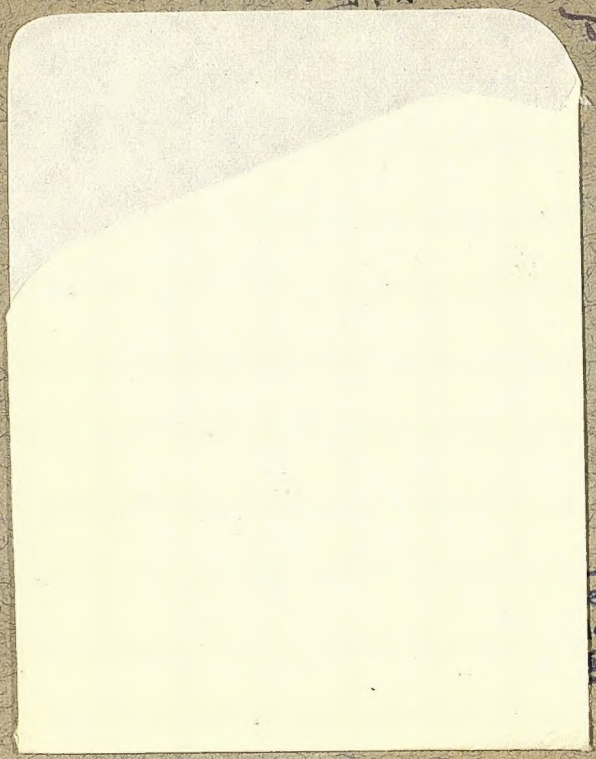
ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

5
86

Съ рисунками и картой.

МОСКВА.
1915.



енный фонд
оск. обл.
блиотеки

9(C)1
Т86

Е. Ф. ТУРАЕВА-ЦЕРЕТЕЛИ и Е. П. де-ВИТТЕ.

9(C)1
Т86
ЭК

ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

ВЪ ЕЯ ПРОШЛОМЪ и НАСТОЯЩЕМЪ.

Съ рисунками и картой.

147608
94

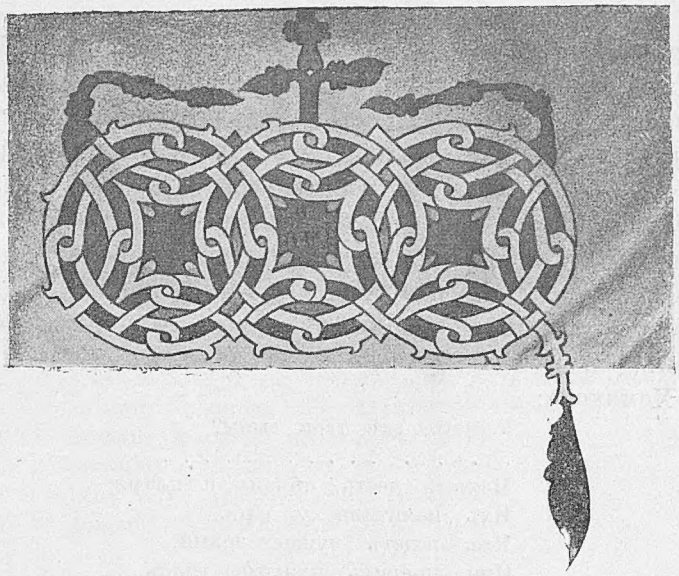
МОСКВА.
1915.

К+

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

Кол. пред. выдач — ————
г. Сокол-бум. комбинат

147608



ГАЛИЦКАЯ РУСЬ

отъ древности до нашихъ дней.

(Историческій очеркъ).

И оторженныя дѣти,
Лишь услышатъ твой призывъ,
Разорвавъ коварства сѣти,
Знамя чуждое забывъ,
Снова, какъ во время оно,
Успокоиться придутъ
На твое святое лоно,
Въ твой родительскій пріютъ.
И вокругъ знаменъ отчизны
Потекутъ они толпой
Къ жизни духа, къ духу жизни,
Возрожденные тобой!

А. Хомяковъ.

Королевство Галиція и Лодомерія съ герцогствомъ Краковскимъ—такъ называлась до послѣднихъ дней одна изъ коронныхъ земель Австрійской имперіи. Страна эта, столь далекая отъ насъ, до сей поры столь мало знакомая русскому обществу, въ настоящій моментъ стала особенно близка и особенно занимаетъ русскую мысль. Названія ея городовъ и селеній, дорогъ и гор-

ныхъ проходовъ заставляютъ биться русское сердце, ибо связаны съ пребываніемъ и съ мѣстами славныхъ боевъ русской побѣдоносной арміи. Но Галиція, привлекающая сейчасъ вниманіе русскихъ людей, должна быть дорога и потому, что она плоть отъ плоти, кость отъ кости русскаго народа. Связанная съ исторіей Россіи съ нервыхъ вѣковъ исторической жизни, перенесшая долгое иго, выдержавшая стойко борьбу за вѣру и народность—Галиція и въ XX вѣкѣ была лишь Русью подъяремной, не составляя одного цѣлаго съ великимъ русскимъ народомъ, съ Русью Державной. И лишь въ послѣдніе дни слова Хомякова:

Галичъ, гдѣ твои сыны?
. . . . . .
Мечъ и лесть, обманъ и пламя
Ихъ похитили у насъ,
Ихъ ведетъ чужое знамя,
Ими правитъ чуждый гласъ,

Богъ дастъ, навѣки потеряютъ горечь современности.

Территорія, занимаемая въ настоящее время королевствомъ Галиціи и герц. Краковскимъ, не вполнѣ соотвѣтствуетъ территоріи древней Галичины, но и нынѣ, какъ и прежде, Галиція (Лодомерія—искаженное названіе Владимирская земля), занимаетъ сѣверо-западные и сѣверо-восточные склоны Карпатскихъ горъ, которые постепенно понижаются и находятся на западѣ въ системѣ р. Вислы, а на востокѣ р. Днѣстра и отчасти Днѣпра. Склоны Западныхъ Бескидовъ и Татръ занимаютъ теперь поляки, а Восточные Бескиды и Лѣсистые Карпаты—область русскаго племени.

Русское населеніе юго-западнаго конца упирается въ исполинскіе гранитные утесы Татровъ; на ихъ живописныхъ и сурово романтическихъ долинахъ по быстрому Попраду тянутся русскія селенія. Хребетъ Восточныхъ Бескидовъ не имѣетъ вида альпійской горной страны, а похожъ на волнистую возвышенность, гдѣ лѣсистыя вершины перемежаются съ широкими долинами. Сѣверная покатость представляетъ нѣсколько параллельныхъ уступовъ, и чѣмъ дальше, тѣмъ ниже спускаются въ низменность между рр. Вислокой, Саномъ, Днѣстромъ и Стыремъ. Вершины горъ поросли сплошнымъ лѣсомъ, въ болѣе пологихъ мѣстахъ—пастбища, поля, въ долинахъ—луга. Лѣсистые Карпаты представляются сплошной массой густого

краснолѣсья, между которымъ торчатъ одинокія скалистыя вершины, мѣстами свѣтятся среди лѣсовъ горныя пастбища (полонины). По надрѣчнымъ поперечнымъ долинамъ поселился народъ и, расчистивъ луга (царины), живетъ въ длинныхъ многолюдныхъ селеніяхъ. Разнообразіе природы способствовало этнографическому разнообразію. Населеніе Галиціи въ настоящее время по своимъ занятіямъ, по характеру, по бытовому укладу дѣлится на слѣдующія группы: подоляне и опольяне, горяне и верховинцы, полѣщуки, гуцулы, бойки, лемки, жители Мараморошa, Покутья, Коломыи. Населеніе любитъ свой край, свой бытъ и умѣетъ воспѣть красоту того и другого:

Урадуется весь міръ на земли, горы, долины та й полонины...
Ой, славная Коломыя, ще славнѣйшы Горы!
Ой, славная Коломыя, що межи Горами,
Ой славнѣйша дѣвчинонка съ черными бровами!...
Гей плыну я по Дунаю, и таки си думаю:
Нема кращихъ снѣваночекъ, якъ у нашемъ краю...,

но не забываетъ при этомъ прибавить:

Ооій нема, де, въ Горахъ добра, та й, вѣдай, не буде,
Доки ся въ насъ по Нѣмцеви заваджати буде...

Въ отвѣтъ на это сѣтованіе Галичины о своей долѣ великій писатель Руси Державной отвѣтилъ давно уже: «слышу», а описавъ красоту Карпатскихъ горъ, нарисовалъ затѣмъ такую картину: «За Кіевомъ показалось неслыханное чудо. Всѣ паны и гетманы собирались дивиться этому чуду: вдругъ видимо стало во всѣ концы свѣта. Вдали засинѣлъ Лиманъ, за Лиманомъ разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крымъ, горой подымавшійся изъ моря, и болотистый Сивашъ. По лѣвую руку видна была земля Галичская. «А что это такое?» допрашивалъ собравшійся народъ бывалыхъ людей. «То Карпатскія горы», говорили старые люди»...

I.

Галицко-Владимирское княжество-королевство.

Въ древности граница русской народности на западѣ проходила по «линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню», въ окрестностяхъ Кракова остановилась на Вислѣ,

а далѣе отъ устья Сана переходила и за этотъ рубежъ, какъ напр., у Сандомира и Опатова. Люблинское плоскогорье долго было пустыней и только Люблинъ былъ камнемъ раздора для польскихъ и русскихъ князей. Далѣе граница шла между Вислой, Вепремъ и Бугомъ и у Визны сходились владѣнія русскія, польскія и литовскія. Къ сѣверо же востоку открывались громадныя пространства для широкаго разселенія. Но въ очерченныхъ предѣлахъ, къ которымъ слѣдуетъ прибавить юго-восточные склоны Карпатъ (Угорская Русь), русская народность никогда не была вполнѣ объединена. И если впослѣдствіи «русское племя отступило нѣсколько къ востоку, то только лишь подъ вліяніемъ вѣкового напора, какой представляетъ исторія». Галицкое княжество и явилось самымъ западнымъ русскимъ княжествомъ, ему приходилось сосѣдить съ Угріей и Польшей. Границей на западѣ были уже р. Вислокъ и Карпатскій хребетъ, къ югу рѣдкія поселенія по Сересу, Пруту, Днѣстру, доходили до берега Чернаго моря, а на востокѣ Галиція соприкасалась съ Волынью, съ которой впослѣдствіи и объединилась въ одно Галицко-Владимирское княжество. На картѣ XI—XIII вѣковъ въ предѣлахъ Галиціи видимъ цѣлый рядъ городовъ. Ядро Галиціи—Червенскіе города: Червень, Бельзъ, Холмъ, Берестье; по р. Сану: Санокъ, Перемышль, Ярославъ, далѣе Любачевъ, Городокъ, Львовъ, Звенигородъ, Вишню, по р. Днѣстру: Галичъ, Онутъ, Ушицу, Бакоту, Каменецъ, по р. Пруту: Коломыю, наконецъ Микулинъ, Теребовль и далекую Берладь.

Если разсказъ объ исторической жизни народа надо начинать, согласно словамъ извѣстнаго историка, съ самаго ранняго воспоминанія народа о самомъ себѣ, то начало русской исторіи приведетъ насъ въ Карпатскій край, къ воспоминаніямъ отъ VII вѣка по Р. Х.

Карпаты—общеславянское гнѣздо и здѣсь была промежуточная стоянка восточныхъ—русскихъ славянъ по дорогѣ съ Дуная на Днѣпръ. И вотъ отъ VII вѣка до времени лѣтописца XI вѣка сохранилось слѣдующее народное преданіе. «Обри (авары, племя тюркское) воеваша на Словени и примучиша Дулѣбы, сущая Словене, и насилье творяху женамъ Дулѣбскимъ... Бяху бо Обри тѣломъ велицѣ, а умомъ горди, и потреби я Богъ, и помроша вси, и не оста ни единъ Обринъ, и есть притча въ Руси до сего дне: погибоша аки Обри». Это пре-

данiе о столкновенiи восточныхъ славянъ съ дикимъ народомъ говоритъ въ связи съ извѣстiями арабскихъ писателей о томъ времени, когда дулѣбы господствовали надъ восточными славянами, образовавъ военный союзъ. Но эту первую общественную форму жизни восточнаго славянства разрушило нашествiе варварской орды, и только въ IX вѣкѣ мы наблюдаемъ новыя политическiя образованiя. Племя дулѣбовъ—волыняне тожъ (или бужане)—осталось жить на Карпатскихъ склонахъ въ сосѣдствѣ съ хорватами, а на югѣ съ уличами и тиверцами. Знаменитый походъ Олега на Царьградъ нашелъ отзвукъ въ западной окраинѣ: лѣтопись упоминаетъ участiе хорватовъ. Въ 981 г. Владимиръ Святой «иде къ Ляхомъ и зая грады ихъ Перемышль, Червенъ и ины городы, иже суть и до сего дне подъ Русью». Лѣтописецъ могъ такъ сказать, ибо въ его времена новая попытка Польши овладѣть Червенскими городами окончилась, какъ и при Владимирѣ, побѣдой его сына Ярослава Мудраго. Напряженныя усилiя Ярослава свидѣтельствуютъ, что онъ придавалъ большое значенiе Червонной Руси. Эпитетъ Червонная,—равнозначущiй красная, прекрасная, показываетъ, что русскiе люди уже отдавали должное красотѣ природы, богатству и плодородiю края.

При сыновьяхъ Ярослава во второй половинѣ XI вѣка Галицкой землей владѣютъ три сына кн. Ростислава Тмутараканскаго, столь опаснаго когда-то для Византiи; появляются три отдѣльныхъ княжества: Перемышльское, Звенигородское и Теребовльское. Всѣмъ извѣстна судьба кн. Теребовльскаго Василька, ослѣпленнаго двоюродными братьями, извѣстна трогательная дружба, освобожденнаго впослѣдствiи, слѣпца съ его братомъ Володаремъ, извѣстна и неустанная борьба ихъ съ Польшей для упроченiя земли своей. Характерны слова, сказанныя по этому поводу Василькомъ: «возьму землю Лядскую и мщу землю Русскую,... любо налѣзу собѣ славу, любо главу свою сложу за Русскую землю». На почвѣ борьбы съ Польшей произошелъ захватъ обманнымъ путемъ черезъ польскаго вельможу, Петра Власта, князя Володаря. Объ этомъ плѣнѣ и о громадномъ выкупѣ, который заплатилъ за брата слѣпой Василько, разсказываетъ не столько лѣтопись, сколько западно-польскiе хронисты. Интересно, что предатель Володаря, Петръ Властъ, былъ позднѣе ослѣпленъ въ Польшѣ и изгнанный бѣжалъ искать пріюта на Руси.

Сынъ Володаря Владимерко воспользовался смертью своего брата и двоюродныхъ, избавился отъ племянника Ивана Ростиславича, по прозванію Берладника. Послѣдній ушелъ княжить въ далекую Берладь и, набирая дружину изъ пограничнаго населенія, сталъ бродячимъ княземъ-дружинникомъ, «кондотьери XII вѣка». Ставъ единымъ княземъ Галицкой земли Владимерко сдѣлалъ стольнымъ городомъ Галичъ. Галичъ расположенъ на возвышенномъ берегу Днѣстра, пересѣченномъ оврагами и ложбинами впадающихъ въ него рѣчекъ. Въ долинѣ, образуемой устьемъ одной изъ нихъ, возникъ нижній городъ, а на крутомъ холму надъ нимъ верхній, галицкій Кремль. Съ холма видъ на дорогу черезъ Днѣстръ въ Кіевъ. Главная святыня Галича—соборный храмъ Богоматери, гдѣ погребенъ сынъ Владимерки, кн. Ярославъ Осмомыслъ. Несмотря на всѣ невзгоды, храмъ уцѣлѣлъ до нашихъ дней и по внѣшнему виду не отличается отъ древне-кіевскихъ церквей. Главной цѣлью своей политики Владимерко поставилъ освободиться отъ вліянія Кіевскаго князя, не дать сосѣдней Польшѣ усилиться, воспользоваться удобнымъ случаемъ для пріобрѣтенія пограничныхъ городовъ (онъ и взялъ нѣсколько волынскихъ городовъ) и ловко пользоваться взаимной враждой Польши и Угріи для достиженія своихъ намѣченныхъ задачъ. Эта политика привела Владимерку къ участію въ борьбѣ Мономаховичей и Ольговичей, въ борьбѣ Юрія Долгорукаго съ Изяславомъ Мстиславичемъ. Польша въ это время была не особенно опасна Галичу, такъ какъ въ ней начились междоусобія послѣ смерти Болеслава Кривоустаго, но съ Угріей борьба была трудна. Не разъ князю приходилось унижаться передъ Угорскимъ королемъ. Но зато Владимерко былъ въ дружбѣ съ Византіей, и Византійскій императоръ говорилъ въ 1152 г., что онъ мститъ угramъ за союзника своего и родственника кн. Галицкаго. Несмотря на участіе во многихъ войнахъ, Владимерко старался избѣгать войны на территоріи своего княжества и за рѣдкимъ исключеніемъ успѣвалъ достичь этого. Много значило, конечно, что половцы не безпокоили земли Галицкой. Въ трудныя минуты, не стѣснявшійся въ средствахъ, Владимерко умѣлъ прибѣгнуть къ хитрости: то внести раздоръ въ среду враговъ-союзниковъ, то притвориться умирающимъ и умолять о прекращеніи кровопролитія. Классическимъ мѣстомъ, характеризующимъ вѣроломство и цинизмъ князя, является бесѣда его съ посломъ

Изяслава, убѣждавшимъ не нарушать крестнаго цѣлованія: «что ми сій крестець малый!» Описаніе этой бесѣды на ряду съ картиной княжескаго обихода, равно какъ и другія подобныя мѣста лѣтописи, весьма любопытны и прекрасно рисуютъ личность «многоглаголиваго» князя въ его дипломатической дѣятельности.

Знаменитому сыну своему Ярославу (1152—1187) Владимерко оставилъ хорошее наслѣдство и послѣдній сумѣлъ имъ воспользоваться. Объ этомъ выдающемся князѣ, прозванномъ Осмомысломъ, и о значеніи при немъ Галицкой земли имѣемъ блестящую характеристику автора «Слово о Полку Игоревѣ», имѣемъ характеристику лѣтописи конца XII вѣка, имѣемъ свидѣтельства византійскихъ писателей. Всѣ эти данныя рисуютъ намъ достаточно ярко тотъ образъ Ярослава Осмомысла, какой напечатлѣлся въ умахъ его современниковъ. «Галичкы Осмомыслѣ Ярославе! высоко сидиши на своемъ златокованнѣмъ столѣ», «подперъ горы Угорскія своими желѣзными полками, заступивъ путь королю; затворилъ ворота Дунаю, метая бремены за облака; творя суды до самаго Дуная. Гроза твоего имени облетаетъ земли, ты отворяешь ворота Кіеву, и стрѣляешь съ отцовскаго золотаго стола въ дальнихъ салтановъ (половецкихъ)». Въ этихъ словахъ мы имѣемъ оцѣнку политическаго могущества Галича и положенія, занятаго имъ въ исторіи Восточной Европы. Для Руси XII вѣка Галицкое княжество было оплотомъ отъ враждебнаго славянству Угорскаго (Мадьярскаго) государства, которое усилилось при короляхъ своихъ Гейзѣ и Стефанѣ; полки Ярослава дѣйствительно оберегали проходы Карпатскихъ горъ. Ему не только не приходилось, подобно отцу, заискивать передъ Угріей, наоборотъ — Угорскій король пытался завязать дружественныя отношенія и домогался брачнаго союза съ дочерью Ярослава, но эта попытка не удалась, благодаря между прочимъ Византіи, которая ревниво оберегала дружбу и союзъ съ Галицкимъ княземъ.

Одинъ изъ изслѣдователей считаетъ, что эта неудача, испытанная Угорскимъ королемъ въ попыткѣ сближенія съ Русью, отразилась печально на судьбѣ самой Угріи, толкнувъ ее къ сближенію съ Западомъ и къ поглощенію западной культурой. Но для Византіи положеніе, занятое Ярославомъ Осмомысломъ, помогло торжеству ея политики: императоръ Мануилъ добивался обезпечить интересы имперіи со стороны Угріи и до-

стигъ этого. Хотя Галицкій князь держалъ себя очень независимо и ограничивался порой, напр. въ 1165 г., только пассивной поддержкой Византіи, но Византійскій императоръ не прочь былъ смотрѣть на него, какъ на своего вассала. Впрочемъ этотъ взглядъ больше относится къ политической идеалогіи, чѣмъ къ реальнымъ фактамъ.

Союзъ и дружба императора Мануила съ Ярославомъ Осмомысломъ оставались неизмѣнны даже послѣ пріема послѣднимъ бѣжавшаго соперника Мануила, его двоюроднаго брата, извѣстнаго своими приключеніями, Андроника. Пребываніе Андроника въ Галичѣ дало ему возможность ознакомиться съ русской жизнью: царевичъ получилъ города въ управленіе, ѣздилъ съ Ярославомъ на охоту, столь любимую русскими князьями, присутствовалъ на совѣщаніяхъ съ дружиной, обѣдалъ въ княжескомъ теремѣ. Ставъ впослѣдствіи императоромъ Византіи, Андроникъ въ построенномъ имъ дворцѣ велѣлъ увѣковѣчить свое пребываніе на Руси, написавъ картину, изображавшую эпизоды изъ его жизни и сцены охоты. Пріемъ, оказанный Андронику, объясняется родственными связями. Дѣло въ томъ, что дочь Володаря, сестра Владимирки, была замужемъ за Исаакомъ Комненомъ и, такимъ образомъ, Андроникъ приходился Ярославу двоюроднымъ братомъ. Если Византійскіе писатели подчеркиваютъ обязательность союза для Галицкаго князя съ Византійскимъ императоромъ, то русская народная память наоборотъ сгущаетъ краски въ другую сторону, и въ Словѣ о Погибели русской земли, смѣшавъ воедино воспоминанія объ отношеніяхъ Владимира Мономаха къ царю Алексѣю Комнену и Ярослава Осмомысла къ Мануилу,—рисуетъ такую картину, что «жюръ (царь) Мануилъ опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаше, абы подъ нимъ Царя города не взя».— Владѣнія Галицкаго князя доходили до Чернаго моря и устья Дуная: тамъ работали галицкіе рыболовы. По Дунаю, Днѣстру, Пруту, Бугу были разсѣяны русскія поселенія, г. Берладь былъ пристанищемъ, какъ для обездоленныхъ князей, такъ и для берладниковъ—своего рода казаковъ XI—XII вѣка. По Днѣстру же шелъ важный залозный путь изъ Галиціи въ Грецію, по которому русскіе промышленники получали рыбу. Сама Галиція изъ Коломыи доставляла, главнымъ образомъ, соль и между прочимъ красный шиферъ для построекъ. Такимъ образомъ, дѣйствительно, въ рукахъ Ярослава Осмомысла

были ключи Дунайской торговли. Въ эти Черноморскія степныя пространства не доходили кочевники, но галицкіе полки не одинъ разъ ходили на половцевъ. Про Галицкую «помочь» южно-русскимъ князьямъ въ борьбѣ съ погаными говоритъ лѣтопись и въ 1155 и въ 1183 гг., когда Святославъ Кіевскій посылалъ за «окольными князьями». Это участіе въ общемъ русскомъ дѣлѣ борьбы со степью, конечно, мѣшало обособленію Галича и способствовало чувству единства со всей русской землей. Помощь, оказываемая Ярославомъ то тестю Юрію Долгорукому, то кн. Ростиславу Мстиславичу, Мстиславу Изяславичу, вводила Галицкаго князя въ междукняжескія усобицы за Кіевскій столъ, и не разъ имѣла рѣшающее значеніе при рѣшеніи вопроса. Такимъ образомъ, если съ 1158 г. ни одинъ вражескій воинъ не переступалъ границы княжества Осмомысла, то зато полки его подъ начальствомъ воеводъ бывали во многихъ концахъ земли Русской.

Политическое могущество князя Ярослава отмѣчаетъ наряду съ Словомъ о Полку Игоревѣ и лѣтопись: «князь былъ честенъ въ земляхъ и славенъ полкы». Но главное вниманіе лѣтописецъ обращаетъ на устройство имъ земли и на его личныя достоинства: на умъ, образованіе, любовь къ церкви и къ просвѣщенію: «бѣ же князь мудръ и рѣченъ языкомъ и богобоинъ,... гдѣ бо бяшетъ ему обида, не ходяшеть полкы своими, но посыласть я съ воеводами, бѣ бо устроилъ землю свою и милостыню силну раздавашеть, страны любя и нищая кормя, черноризскій санъ любя и честь подавая отъ силы своея и во всемъ законѣ ходя Божіи, къ церковному чину самъ приходя и строя». Указанія лѣтописи на щедрую милостыню лучшихъ князей древней Руси, думается, имѣютъ общественное значеніе, не одно только личное дѣло христіанина. Древность не знала долго (вплоть до XVII в.) организаціи благотворительности не только государственной, но и общественной. Щедрая раздача отдѣльныхъ личностей, особенно князей, замѣняла ее. Однако въ лѣтописи мало свѣдѣній, въ чемъ заключалось устройство земли княземъ Ярославомъ, и мы должны воспользоваться сводомъ Татищева, который даетъ слѣдующія подробности. Ярославъ Осмомыслъ былъ страшенъ сосѣдямъ, потому что обратилъ вниманіе на военное устройство, перенявъ многое изъ военнаго искусства грековъ, чеховъ и угровъ. Онъ способствовалъ торговлѣ съ Византіей, строилъ города (Галиція изоби-

ловала камнемъ и потому постройки были каменныя), призывалъ иноземцевъ-промышленниковъ и особенно заботился о просвѣщеніи, устраивая училища на счетъ монастырей. Самъ любилъ чтеніе и зналъ нѣсколько языковъ. Богатый чрезвычайно (ему ничего не стоило при случаѣ уплатить ляхамъ 3000 гривенъ), Ярославъ любилъ подавать милостыню и, когда передъ смертью приказалъ раздавать имѣніе свое монастырямъ и нищимъ, то этого не смогли сдѣлать въ три дня. Описывая трогательно благочестивую кончину князя, который исповѣдовалъ передъ всѣми грѣхи своя, плача и говоря: «се уже отхожу свѣта сего суетнаго»,—лѣтописецъ прибавляетъ, что князь сказалъ мужамъ своимъ: «се азъ единою худою своею головою ходя, удержалъ всю землю Галицкую»... и князь былъ правъ. Когда переставъ управлять Галичемъ великій умъ Осмомысла, въ княжествѣ наступили смуты и вмѣшательство иноземцевъ.

Причиной смутъ, которыя, къ несчастію юго-западной Руси, наступали въ ней вслѣдъ за княженіями выдающихся ея государей, были, помимо обще-русскихъ политическихъ условій того времени, особенности внутренняго строя Галиціи и вмѣшательство пограничныхъ государствъ. Тѣсныя политическія отношенія между Польшей, Угріей и юго-западной Русью, къ нимъ наиболѣе близкой, особыя въ силу этого задачи, рисовавшіяся Галицкимъ князьямъ, участіе въ международной политикѣ восточной половины Европы болѣе активное, чѣмъ въ другихъ областяхъ Руси—все это дѣлало положеніе Галицкаго княжества особенно опаснымъ при внутреннихъ безпорядкахъ и осложняло внутреннюю жизнь его. Между тѣмъ эти же политическія условія создали два явленія, характерныя для жизни Галича: сильное и своевольное боярство и пестрый, по этнографическому составу, промышленный классъ, благодаря иноземной колонизаціи. Исторія Галицкаго боярства довольно неясна. Одинъ изъ изслѣдователей прямо назвалъ господство этого класса въ Галичѣ: «боярской анархіей, которой не удалось превратиться въ прочный аристократическій порядокъ». Другіе то склонны видѣть въ боярствѣ сильный и вліятельный классъ съ группировкой на партіи, то приписываютъ ему преслѣдованіе интересовъ цѣлаго общественнаго класса, но съ крайне несимпатичной окраской, то, наконецъ, подчеркиваютъ иноземное вліяніе, способствовавшее образованію панства, столь чуждаго русскому духу. Но, независимо отъ опредѣленія ха-

рактера и исторіи развитія Галицкаго боярства, всѣ изслѣдователи сходятся въ оцѣнкѣ этого явленія, какъ подрывавшаго благосостояніе края, способствовавшаго смутамъ и осложнявшаго дѣятельность наиболѣе блестящихъ государей. Если мы перечислимъ только, чѣмъ владѣло боярство, мы увидимъ его силу: бояре были крупными землевладѣльцами, при чемъ богатство края и безопасность отъ кочевниковъ способствовали полученію крупныхъ доходовъ, они наслѣдственно управляли городами, владѣли значительнымъ числомъ рабовъ и располагали собственными полками. Довольно двухъ-трехъ лѣтописныхъ выдержекъ, чтобы увидѣть разницу между галицкими мужами и мужами хотя бы сосѣдней Волыни. Такъ боярынъ Доброславъ ѣдетъ во единой сорочицѣ съ гордынею великою, «ни на землю смотрящю, Галичаномъ же текущимъ у стремени его», или боярынъ Судиславъ, поднявшій мятежъ, съ трудомъ лишь изгоняется Даніиломъ: «изыде изъ града, мятежниче земли»! Достигнувъ такого положенія на службѣ князю и осѣвъ въ Галичинѣ вмѣстѣ съ нимъ, бояре держались исключительно княжей службой, а не связью съ землею: вотъ почему и желали князя для себя удобнаго. Галицкіе мужи, превратившіеся въ таковыхъ изъ княжихъ мужей, заслонили собою землю, но не явились представителями ея интересовъ. При всякомъ удобномъ случаѣ сказывалось это вредное вліяніе боярства. Семейные нилады князя Ярослава Осмомысла вызвали вмѣшательство бояръ въ интимную жизнь его. Рознь между сыновьями: законнымъ, но нелюбимымъ Владимиромъ и незаконнымъ, но любимымъ Олегомъ, послужила къ рѣшенію боярами судебъ княжества и къ попустительству ими иноземцевъ-сосѣдей. Въ Галичѣ вокняжился Угорскій королевичъ. Неистовства угровъ надъ населеніемъ заставили послѣднее обратиться снова къ своему законному, хотя и безпутному князю Владимиру, а затѣмъ оказать поддержку волынскому князю Роману Мстиславичу.

Этотъ выдающійся политикъ, сидя до той поры до Владимирѣ-Волынскомъ, занимался благоустройствомъ своего княжества и наводилъ грозу на Литву. «Романе: худымъ живеши, Литвою орешн». «Литва, Ятвяги сулицы своя повергоша, а главы своя поклониша»... Въ борьбѣ за обладаніе Галичемъ Романъ Мстиславичъ опирался, главнымъ образомъ, на поддержку чернаго люда, хотя была и среди бояръ партія, благопріятствующая Волынскому князю. Помогали Роману и поляки.

Эта помощь будетъ понятна, если знаемъ, что князь былъ въ родствѣ съ польскимъ домомъ, что въ молодости живалъ при польскомъ дворѣ и имѣлъ тамъ друзей и сверстниковъ, и что постоянно вмѣшивался въ междукняжескія польскія отношенія. Не даромъ польскіе писатели интересуются княземъ Романомъ не меньше, чѣмъ наши лѣтописцы. Однако, участіе въ польскихъ распряхъ стоило Роману дорого: на рѣкѣ Мозгавѣ онъ былъ однажды опасно раненъ, а въ 1205 году подъ городомъ Завихвостомъ убитъ въ расцвѣтѣ своей политической дѣятельности. Осуществивъ широкій планъ объединенія Волыни и Галиціи въ одно сильное княжество, Романъ Мстиславичъ сдѣлалъ его центромъ южной Руси, взамѣнъ терявшаго свое значеніе Кіева, впрочемъ и престолъ Кіевскій то зависѣлъ отъ него, а то и всецѣло находился въ рукахъ. За то и называетъ лѣтописецъ Романа самодержцемъ всея Руси, царемъ, великимъ. Успѣшная политика, и внутренняя и внѣшняя, создала такую шумную и славную молву о значеніи Галицко-Волынскаго князя, что эта молва достигла до Царьграда и до Рима. Императоръ Алексѣй Ангелъ ищетъ помощи отъ половцевъ, разоряющихъ Ѳракію, а когда на Царьградъ напали крестоносцы, то и убѣжища. Иннокентій III, этотъ вопиственнѣйшій папа Средневѣковья, задумалъ, разсчитывая на славолюбіе Галицкаго князя, распространить свою власть и надъ Русью и послалъ пословъ съ предложеніемъ короны и уніи. Но Романъ Мстиславичъ о дѣлахъ вѣры сталъ препираться отъ св. Писанія, а отъ короны отказался и на слова о значеніи меча св. Петра, для пріобрѣтенія новыхъ земель, отвѣтилъ: «таковъ ли мечъ у папы? (обнаживъ при этомъ свой). Доколѣ онъ при бедрѣ моемъ, не имѣю нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровію, по примѣру нашихъ отцовъ и дѣдовъ, умножавшихъ землю русскую». Будучи самодержцемъ всея Руси, Романъ не хотѣлъ терпѣть своевольства бояръ и пытался провести новыя начала твердой княжеской власти. О расправѣ съ боярами, о террорѣ, устроенномъ Романомъ Мстиславичемъ, особенно распространяется польскій писатель Кадлубекъ, который и приводитъ столь извѣстную поговорку: «не передавивъ пчелъ, меду не ѣсть». Русская лѣтопись молчитъ объ этомъ. При Романѣ Мстиславичѣ незамѣтно, дѣйствительно, участія бояръ въ жизни княжества, но начавшіяся послѣ смерти его смуты показали, что боярство сломлено не было.

Разсматривать болѣе чѣмъ 40-лѣтнюю борьбу Даніила Романовича (1205—1264) и брата его Василька за свою отчину не будемъ. Эти годы, дѣйствительно, годы «крамолъ и безчисленныхъ ратей», и только литературныя и историческія достоинства Галицкой лѣтописи заставляютъ съ интересомъ разбраться въ эпопеѣ ея героя. А эта эпопея началась драматичной картиной. Не успѣлъ умереть великій Романъ, какъ его вдова и сыновья, 4-лѣтній Даніилъ и 2-лѣтній Василько, должны были бѣжать изъ Галича на Волынь, а оттуда въ ночь «дырею градскою» бѣжали искать, гдѣ-нибудь на чужбинѣ пріюта. Все печальное дѣтство Романовичей проходитъ то въ Польшѣ, то въ Угріи, особенно долго мыкался Даніилъ; Василько раньше его устроился на Волыни и, быть можетъ, по этой причинѣ былъ больше по складу старо-русскимъ княземъ. Не малую энергію проявила и вдова Романа. Ея внукъ Мстиславъ Даниловичъ украсилъ впослѣдствіи ея гробницу. А въ Галицко-Волынскомъ княжествѣ первенствующая роль перешла къ боярству и тутъ-то оно показало весь свой эгоизмъ и отсутствіе національнаго чутья. Бояре руководствовались одной мечтой, чтобы «княземъ себѣ называху, а самѣ всю землю держаху». Такое настроеніе помогло многочисленнымъ претендентамъ на Галицкій столъ: въ борьбѣ этой видимъ и русскихъ князей Ольговичей, и инозем цевъ-угровъ, и ляховъ, наблюдаемъ и два небывалыхъ на Руси событія: однажды вокняжился бояринъ, и однажды князья были повѣшены. Недолго на Галицкомъ столѣ были угорскій королевичъ, 5-лѣтній Коломанъ, обрученный съ 3-лѣтней Соломіей, польской княжной. Этотъ брачный союзъ былъ придуманъ для примиренія интересовъ Угріи и Польши, съ тѣхъ поръ Угорскій король сталъ употреблять титулъ «rex Galiciae et Lodomeriae», съ тѣхъ поръ Польша, а потомъ и Австрія ссылались на упомянутое обстоятельство, какъ на доказательство своихъ правъ державныхъ на Галицію. Для Рима же эпизодъ съ вокняженіемъ Коломана послужилъ для начала пропаганды. При Коломанѣ явились два римскихъ епископа, которые захватили нѣсколько православныхъ церквей и оскорбили галицкаго владыку. Угорскій король принуждалъ къ уніи, и религіозныя утѣсненія вызвали народную ненависть къ инозем цамъ. Вообще безчинства, творимыя уграми, отмѣченныя лѣтописцемъ, лучше всего опровергаютъ вышеприводимое мнѣніе о возможности для Угріи сближенія съ славянскимъ

міромъ, съ славянской культурой. Долгая борьба, которую велъ Даніилъ Романовичъ за свою отчину, сперва увѣнчалась успѣхомъ на Волыни, а затѣмъ и въ Галичѣ. На Волыни все населеніе было на сторонѣ Романовичей, мѣшали мелкіе удѣльные князья, въ Галичѣ наиболѣе упорнымъ врагомъ было боярство. И не легко было Даніилу добиться того, чтобы съ полнымъ правомъ сильнаго сказать боярамъ: «князь вашъ азъ есмь, повеленія моего не творите, землю грабите». Ко времени татарскаго нашествія Романовичамъ удалось возстановить планъ ихъ великаго отца—объединить не только Волынь и Галицію, но и держать подъ своей рукой Кіевъ: Даніилъ сталъ называть себя государемъ всея Руси. Однако скоро Приднѣпровье отошло отъ Галицко-Волынскаго князя. Идея единой политической русской земли не была еще выношена народнымъ сознаніемъ, политика Романа и Даніила, предвосхитившая идею эту у своихъ сѣверо-восточныхъ современниковъ, оставалась лишь плодомъ дѣятельности этихъ выдающихся государей. Эти новыя начала политической жизни были свѣяны въ юго-западной Руси неблагопріятными историческими обстоятельствами, и были проведены въ жизнь позже, упорно и медленно московскими государями. Но неудача не умаляетъ заслуги Романа и Даніила.

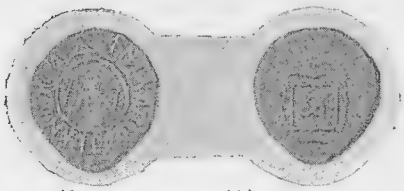
Даніилъ Романовичъ въ нѣжной и тѣсной дружбѣ съ братомъ Василькомъ правилъ юго-западной Русью въ сложное и тяжелое время XIII вѣка. Ему пришлось имѣть дѣло съ двумя врагами, мѣшавшими мирной жизни, по выраженію митрополита Кипріана: «со стороны Татара, а съ другую Литва предѣлы Русскіе грабятъ». Впервые встрѣтился съ татарами юный еще и пылкій князь Даніилъ въ битвѣ на Калкѣ, когда, сѣвъ на коня, гналъ его видѣть невиданныя рати татарскія, а потомъ въ битвѣ помчался впередъ и былъ раненъ, но «младства ради и буести не чуяше ранъ, бывшихъ на тѣлеси его»; «бѣ бо дерзъ и храборъ; отъ главы до ногу его не бѣ на немъ порока», прибавляетъ лѣтописецъ. Такимъ дерзко-храбрымъ пытался князь Даніилъ быть по отношенію къ татарамъ всю жизнь. Когда татары, пройдя огнемъ и мечомъ русскую землю, стали проявлять надъ нею свою власть, то зависимость отъ нихъ юго-западной Руси оказалась очень слабой, и Романовичи, занявшись своимъ краемъ, не спѣшили ѣхать въ Орду. Слава имени Даніила производила обаяніе на хана, который говаривалъ: «Даніило князь лютъ есть, оже отъиметъ ти животъ, то кто ти избавитъ». Однако въ 1245 году на приказаніе

либо ѣхать въ Орду, либо отдать Галичъ, Даніилъ «въ печалѣ велицѣ», зная, что укрѣпленія не готовы, что союзъ противъ татаръ не состоялся, рѣшился ѣхать на Волгу. Можно прямо сказать, что ни одинъ изъ князей русскихъ не ѣхалъ съ такимъ горькимъ чувствомъ поруганія надъ своими политическими и культурными идеалами, и что современниковъ больнѣе всего ударила вѣсть «о злѣе зла честь татарская! Данилови Романовичу князю велику, обладавшу Русскою землею: нынѣ сѣдить на колѣну и холопомъ называется!.. Его же отецъ бѣ царь въ Русской землѣ!» Напрасно въ Ордѣ заискивали передъ княземъ, Даніилъ не могъ отказаться отъ борьбы: онъ неустанно ищетъ помощи на Западѣ, мечтаетъ о крестовомъ походѣ противъ Азіи, но Западъ, съ которымъ у него были постоянныя сношенія, не оправдалъ надеждъ; тогда князь бросается въ борьбу одинъ... но результатъ былъ тотъ, что брату же его Василько пришлось уничтожать укрѣпленія по приказу татаръ. Политика Даніила по отношенію къ татарамъ вызываетъ разную оцѣнку; но зная успѣхи, планы политическіе и славу этого князя, зная взглядъ на него современниковъ, надо сказать, что иначе сынъ Романа поступить не могъ. И онъ далъ своей попыткой, съ одной стороны, удовлетвореніе русскому народному чувству, а съ другой, способствовалъ тому, что иго татарское слабѣе тяготѣло надъ юго-западной Русью.— Борьба съ Литвою до времени Миндовга, князя Литовскаго, носила характеръ борьбы съ половецкими набѣгами, что особенно замѣтно при Романѣ Мстиславичѣ, про котораго пѣснь поетъ «большему князю глаза выкопали, а меньшему брату ноги выломали, и послали къ дядюшкѣ»... «жилъ я хороброй Литвѣ, выхаживалъ выходы». Походы на ятвяговъ Даніила отличаются тѣмъ же характеромъ, и ятвяги уступали силѣ и искусству русскихъ князей, о каковомъ лѣтопись пишетъ: «когда вои Даніила исполчились, щиты ихъ зіяли, яко зоря», шеломы, какъ солнце восходящее; когда Даніилъ, сидя на конѣ, уряжалъ полки свои, то Пруссы сказали Ятвягамъ «на сію ли рать дерзнуть?» и удалились восвояси. Политика Миндовга измѣнила ходъ событій и Галицкій князь понялъ опасность отъ объединяющейся Литвы. Онъ пытался составить противъ Литвы коалицію, то воевалъ, то велъ переговоры, наконецъ, рѣшилъ дѣйствовать культурнымъ воздѣйствіемъ и, казалось, положилъ начало обрусѣнію Литвы. Сынъ Миндовга, Войшелкъ, со всѣмъ пыломъ необузданной натуры своей, принялъ христіанство, возжаждалъ аскетическихъ

147408

подвиговъ, и передалъ сперва свои волости Роману Даниловичу, а впослѣдствіи и столъ отца своего Шварну Даниловичу, женатому на сестрѣ его.

Если въ восточной политикѣ Даніилу пришлось испытать не мало горечи, то зато на западѣ его могущество и вліяніе сказалось весьма ярко. Въ Польшѣ, волнуемой междоусобицами, Даніилъ утвердилъ свое вліяніе: онъ оказывалъ поддержку и краковскому и мазовецкому князьямъ въ достиженіи столовъ, но зато считалъ себя въ правѣ сказать: «добро видѣлъ отъ насъ, иди съ нами на Ятвяговъ». Спорный вопросъ о Люблинѣ былъ рѣшенъ въ пользу Руси и Галицкій князь возвелъ тамъ укрѣпленія. Взаимныя отношенія Руси и Польши хотѣлось Даніилу Романовичу рѣшать не оружіемъ, а на съѣздахъ, подобно тому, какъ съѣзжались русскіе князья, и въ 1262 году былъ «снемъ Русскимъ княземъ съ Лядьскимъ... и съѣзжались въ терновѣ и положили рядъ между собою о землѣ Русской и Лядской»... Угорскій король постоянно обращался за помощью въ Галичъ, искалъ родственнаго сближенія и вѣчный припѣвъ его былъ: «ужика ми и сватъ, помоги мнѣ». Но вѣчно прибѣгая къ помощи, угры платили за нее черною неблагодарностью, на что негодуетъ нашъ лѣтописецъ. Вообще, кто только изъ западныхъ сосѣдей не узналъ стройныхъ полковъ Даніила? Лѣтопись говоритъ, что никто изъ русскихъ князей не ходилъ такъ глубоко въ землю Лядскую, какъ Даніилъ, никто не воевалъ земли чешской раньше его, ни Святославъ Храбрый, ни Владиміръ Святой; въ Моравіи, близъ Опавы, въ г. Насилье поставилъ Галицкій князь хоругвь свою; нѣмцы подъ Вѣною не могли надивиться свѣтлости русскихъ полковъ и самому князю, ѣхавшему на конѣ, по обычаю русскому, въ кожухѣ изъ олавира греческаго, а Угорскій король могъ при этомъ только сказать: «не взялъ бы тысячи серебра за то только, что пришелъ обычаемъ Русскихъ отцевъ своихъ». Видѣли войска Даніила и Вѣну и далекую Ригу. Но всего любопытнѣе, что Даніилъ Романовичъ вступилъ въ борьбу за обладаніе Австріей, когда въ ней



Хранится въ Кіевскомъ музеѣ.

кончился домъ Бабенберговъ. Женивъ сына Романа на Гертрудѣ, наслѣдницѣ Австріи и Штиріи, Даніилъ думалъ, съ помощью Угорскаго короля, утвердиться тамъ и, можетъ быть, искалъ бы для сына и императорской короны. Эпизодъ этотъ кончился неудачей: Романъ былъ побѣжденъ Оттокаромъ Чешскимъ, который, въ свою очередь, былъ вынужденъ уступить Австрію Габсбургу.—Но если Даніилъ такъ тѣсно связывалъ свои интересы съ политикой западно-европейской, то онъ разсчитывалъ, съ своей стороны, на возможность союза христіанскихъ государей противъ враговъ вѣры и культуры: «время есть христіаномъ на поганые». Эти мечты потерпѣли неудачу. Но онѣ вызвали, въ свою очередь, несбывшуюся мечту Рима—распространить свою власть на юго-западную Русь. Между Римомъ и Галицкимъ княземъ велись переговоры: папа началъ ихъ въ то время, когда Даніилъ сталъ лелѣять планъ борьбы съ татарами и вѣрилъ еще въ силу папскаго слова. Очень скоро эти переговоры прервались: Даніилъ склоненъ былъ признать унію съ большими оговорками, главнымъ условіемъ ставилъ помощь отъ татаръ; Иннокентій VI не въ состояніи былъ исполнить этого условія и не былъ сговорчивъ въ вопросахъ религіозныхъ. Отъ сношеній съ Римомъ остался только королевскій вѣнецъ, который прислалъ папа и отъ котораго Даніилъ отказывался, говоря: «рать Татарская не престаетъ злѣ живущи съ нами», а когда согласился короноваться, то принялъ вѣнецъ «отъ Бога, отъ Апостольской Церкви, отъ папы и отъ всѣхъ епископовъ своихъ». Благодаря тому, что Даніилъ во-время прекратилъ переговоры съ Римомъ, католическая пропаганда не увѣнчалась успѣхомъ и, благодаря этому, «земли славныхъ Романа и Даніила» устояли въ борьбѣ за народность.

Политика Даніила Романовича произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ—достаточно указать на Галицкую лѣтопись—и преемники Галицкаго короля стремились, хотя и не всегда удачно, слѣдовать ей. Къ несчастью, Даніилъ или не понималъ опасности дробленія власти, или пренебрегъ ею во имя родственныхъ интересовъ, но только послѣ его смерти въ Галицко-Владимирскомъ княжествѣ появилось, кромѣ брата его Василька, еще 4 князя: три сына Даніила: Шварнъ, Левъ и Мстиславъ и племянникъ Владимиръ Васильковичъ. (Василько и Шварнъ вскорѣ умерли). Левъ Даниловичъ, наслѣдуя отъ отца стремленіе къ широкимъ замысламъ и къ собиранію земли, не наслѣдовалъ его благородства. Онъ запятналъ себя вѣроломствомъ

неразборчивостью въ средствахъ, вплоть до убійства изъ зависти къ Шварну Войшелка и поддержки Тройдена, литовскаго князя—представителя языческой Литвы, вплоть до призыва къ себѣ на помощь татаръ. Въ противоположность Льву, сынъ Василька, Владимиръ, является одной изъ замѣчательныхъ личностей, по своимъ нравственнымъ и умственнымъ качествамъ: «бысть философъ великъ». Княжа на Волыни, Владимиръ Васильковичъ благодаря нравственному авторитету и твердости воли, пріобрѣлъ уваженіе сосѣдей и князей-братьевъ, но и ему не удалось сберечь землю отъ невзгодъ. Самымъ тяжелымъ было то, что татары не только стали разорять Волынь и Галицію, но и приняли по отношенію къ князьямъ ея иной тонъ, чѣмъ раньше, не даромъ лѣтописецъ только теперь отмѣчаетъ: «тогда бяху вси князи въ волѣ татарской»; русскимъ войскамъ приходилось участвовать въ походѣ татаръ противъ Венгріи, противъ Польши. Что же касается до отношеній къ Польшѣ, то бывшія тамъ междоусобія усиливали русское вліяніе и одинъ изъ князей Мазовецкихъ просилъ Владимира Васильковича принять его подъ свою руку. На Польшу надвигались нѣмецкія силы и нѣмецкое вліяніе. «Къ половинѣ XIII вѣка уже видимъ рѣшительное дѣйствіе бранденбуржцевъ въ сторону Великой Польши и въ результатѣ возникновеніе Новой Марки, т.-е. прочное утвержденіе нѣмецкаго господства на польской почвѣ». Одновремено утверждается нѣмецкій элементъ въ столицѣ Малой Польши, въ Краковѣ. Въ первый разъ нѣмецкое засилье сказалось въ 1285 году въ столкновеніи съ краковской шляхтой изъ-за престолонаслѣдія. Между тѣмъ въ Польшѣ еще было на ряду съ тяготѣніемъ къ Западу стремленіе къ родному славянскому міру, а на Руси замѣчаемъ порой сочувственное отношеніе къ польскимъ князьямъ: «преставися князь Краковскій Болеславъ, добрый, тихій, смирный»... Неудивительно поэтому, что если и воюютъ русскіе князья съ Лешкомъ, то, съ другой стороны, идутъ на призывъ Конрада: «братья, моя милая Русь! потягнемъ за едино сердце», а Левъ Даниловичъ заявляетъ притязанія на земли Малой Польши по смерти Болеслава: «зане не бысть у него сына». Столь же перемѣнчивы были отношенія къ Литвѣ: то видимъ походы князей въ Литву, то разоренія Руси отъ набѣговъ «беззаконнаго, проклятаго Тройдена», то, наконецъ, литовцы говорятъ Владимиру Васильковичу: «Владимире, добрый княже! можемъ за тя головы свои сложити». Такъ шли дѣла юго-западной Руси въ концѣ XIII и въ началѣ XIV вѣка. По смерти

Владимира Васильковича на Волыни княжилъ Мстиславъ Даниловичъ, а въ Галичѣ попрежнему Левъ. Не имѣя дѣтей, князь-философъ передалъ при жизни еще (онъ былъ тяжко боленъ четыре года) княженіе двоюродному брату и высказалъ при этомъ замѣчательное наставленіе. Племянникъ Юрій Львовичъ сталъ просить у больного Владимира Берестье, Владимиръ отказалъ и, взявъ въ руку соломину изъ постели своей, сказалъ Мстиславу: «хотя быхъ ти тотъ вѣхоть соломы далъ, того не давай по моемъ животѣ никому же». Мстиславъ оправдалъ надежды князя Владимира. На княженіи его прерывается Галицко-Волынская лѣтопись, и мы вступаемъ при весьма скудномъ состояніи источниковъ въ XIV вѣкъ, почему исторія Галицко-Волынскаго княжества становится не вполнѣ ясной. Часто упоминаемое въ лѣтописи выраженіе «сынъ королевъ, внукъ Романовъ», примѣняемое къ сыновьямъ Даніила, какъ бы закрѣпляетъ преемственное значеніе этихъ трехъ поколѣній для исторіи Южной Руси. По смерти Даниловичей, сынъ Льва Юрій I снова объединилъ Волынь и Галицію и сталъ называться снова королемъ: «rex Russiae et princeps Lodomeriae», какъ значится на его печати.

При Юріи I Львовичѣ, равно и при сыновьяхъ его Андреѣ и Львѣ, Галицко- Владимирскому королевству пришлось вступить въ довольно тѣсныя сношенія съ Тевтонскимъ орденомъ. Памятникомъ этихъ сношеній остались договорныя грамоты: въ 1316 г. Андрей и Левъ увѣряютъ крестоносцевъ въ своей дружбѣ, то же знаемъ объ Юріи II—Болеславѣ *); въ 1320 г. торунскимъ (торнскимъ) купцамъ предоставлено право вести торговлю въ русскихъ земляхъ. Сближеніе съ крестоносцами объясняется борьбой, которую Галицко-Владимирскіе князья вели съ Литвою, въ частности за Подляхію (такъ называлась мѣстность у городовъ Берестье, Дрогичинъ, Мѣльникъ, Бѣльскъ). Въ Литвѣ, какъ извѣстно, начало XIV вѣка совпадаетъ съ дѣятельностью знаменитаго Гедимина, который старался усилить свое государство присоединеніемъ русскихъ областей. Литва, Нѣмцы, Польша—вотъ тѣ политическія силы, съ какими, главнымъ образомъ, и приходи-

*) Юрій II—Болеславъ, сынъ Маріи, дочери Юрія I, и Тройдена, князя Мазовецкаго; онъ былъ католикъ, перешелъ въ православіе, вернулся въ католичество и притѣснялъ русскихъ православныхъ подданныхъ; отравленъ въ 1340 году.

лось имѣть дѣло Галицко-Владимирскому королевству за послѣднее время его самостоятельнаго существованія, и оно обладало для этого достаточнымъ могуществомъ, претендуя даже при послѣднемъ королѣ Юріи II—Болеславѣ на Люблинскую область. Отношенія же къ татарамъ характеризуются письмомъ къ папѣ польскаго короля Владислава Локетка, который въ 1324 г. сообщаетъ, что «въ послѣднихъ русскихъ князя изъ рода схизматиковъ», бывшіе для него непреоборимымъ оплотомъ противъ татаръ, скончались, и молитъ папу поддержать его провозглашеніемъ крестоваго похода. Слова польскаго короля о кончинѣ двухъ послѣднихъ русскихъ князей, т.-е. Андрея и Льва Юрьевичей въ 1324 г., дѣйствительно, отмѣчаютъ прекращеніе династіи короля Даніила по прямой линіи. Княженіе на Волыни Любарта Гедиминовича, женатаго на Бушѣ, дочери Льва, и княженіе Юрія II—Болеслава въ Галичѣ знаменуютъ переходъ престола въ женскую линію, а послѣдовавшая въ 1340 г. смерть Юрія II—Болеслава, князя, предавшагося интересамъ Рима и Запада,—и полное прекращеніе династіи. Прекращеніе династіи, всегда опасное для государственной жизни, совпало съ весьма сложнымъ и опаснымъ моментомъ въ политической исторіи Юго-Западной Руси. Въ этотъ моментъ, въ XIV в., возрастало могущество сосѣднихъ—Литвы и Польши, а Сѣверо-Восточная Русь совсѣмъ обособилась въ своей жизни отъ Руси Юго-Западной; то единство и та связь, которыя мы могли наблюдать въ жизни русскаго народа за XI и XII вв., которыя не совсѣмъ порвались и въ XIII в.,—теперь уже исчезли. Такимъ образомъ, возможно стало то явленіе, которое наблюдаемъ въ XIV в.,—борьба за обладаніе Волынью и Галичемъ между Литвою и Польшею. Прекращеніе династіи при сложной политической обстановкѣ и является основной причиной того, что Галицко-Владимирское государство, олицетворявшее тогда Малую Русь, въ полномъ расцвѣтѣ своего политическаго могущества, не изживъ своихъ экономическихъ и культурныхъ силъ, сошло съ исторической сцены, какъ независимая политическая сила, чтобы начать новую жизнь—жизнь подневольную. Этому способствовали и другія причины, коренившіяся въ условіяхъ внутренней жизни Галича; чтобы понять ихъ, надо представить себѣ картину этой внутренней жизни.

Естественныя богатства земли Галицкой составили себѣ легендарную славу не только на скудномъ польскомъ сѣверѣ.

Черноземныя поля и тучные луга ея доставляли то изобиліе хлѣба и тѣ многочисленныя стада, о которыхъ случайно, но весьма краснорѣчиво говоритъ лѣтопись, постоянно отмѣчая обиліе пшеницы, жита, ржи, проса, «многи стада коньска и кобылья», «безчисленное множество скота и коней», отмѣчая снабженіе хлѣбомъ Литвы и русскихъ областей, напр., Черниговской. Въ голодные годы въ Галицко-Волынскую землю тянулись за помощью: такъ Ятвяги, напр., просили Владимира Василковича: «Господине княже! пріѣхали къ тебѣ, надѣясь на Бога и на твое здоровье, не помори насъ, но перекорми». Но если именно это богатство почвы должно особенно цѣнилось привыкшимъ къ земледѣльческому труду населеніемъ, то не меньшее доставляли верховины Карпатъ и подгоріе съ соляными источниками, съ каменоломнями: солью изъ Галича и Перемышля снабжалась вся Русь, соляные промыслы Коломыи весьма цѣнились князьями, державшими ихъ въ своихъ рукахъ, красный шиферъ на постройки Кіева шелъ изъ Овруча. Галицкіе рыболовы раскинули свои промыслы не по однѣмъ рѣкамъ, но и по Черноморскому побережью, а охота на дикихъ звѣрей въ лѣсахъ доставляла мѣха, шкуры и прославила ловы галицкихъ князей даже въ Византіи. Избытокъ богатствъ края способствовалъ развитію торговли, которая достигала крупныхъ успѣховъ благодаря тому, что Галицко-Волынская земля лежала во всѣ времена по срединѣ важныхъ торговыхъ путей. Постоянное торговое движеніе замѣтно и въ древности, широко развито въ годы могущества и значенія Византіи, не ослабѣваетъ и послѣ 1204 и 1240 годовъ (взятія Царьграда крестоносцами и нашествія татаръ). Залозный путь, ведшій въ Грецію, шелъ по Днѣстру изъ Галича и бережно охранялся князьями. Морское движеніе было столь велико, что въ 1224 году Галицкіе выгонцы явились на 1000 ладьяхъ. Регенсбургскіе купцы ѣздили въ Кіевъ черезъ Вѣну и Галичъ. Сюда же впослѣдствіи направлялись бреславльскіе, польскіе, австрійскіе торговцы, и Львовъ держалъ въ своихъ рукахъ торговое движеніе отъ Бѣлгорода (Аккерманъ) до Кракова черезъ Сучаву, и до Гданска. Ни захватъ Подоліи татарами, ни даже турецкое владычество не ослабили его, давъ лишь болѣе сѣверное направленіе. Грамоты саксонскихъ, австрійскихъ государей XII в. говорятъ о русскихъ купцахъ изъ Галиціи, точно такъ же, какъ позже, въ XIV в. чешскіе купцы въ грамотѣ имп. Карла IV заботятся объ удобствахъ торговли

съ Русью. Эта постоянная, все расширяющаяся торговля наводнила край товарами: изъ богатаго Царьграда шли паволоки оловиръ, драгоцѣнности, аксамиты, шитые золотомъ и жемчугомъ, кованые сосуды—все то баснословное богатство, которымъ располагали Галицкіе князья: стоитъ только раскрыть лѣтопись и прочесть описаніе имущества Владимира Васильковича или короля Даніила, или описанія постройки церквей, описанія княжескихъ имѣній, имѣній галицкаго боярства. Богатство края и торговля дали толчокъ промышленности, дальнѣйшее развитіе которой поощрялось въ особенности Даніиломъ и его преемниками. Число городовъ растетъ, увеличивается городское населеніе. Нѣкоторые изъ городовъ, возникшіе для цѣлей обороны становятся важными центрами жизни края, напр. Львовъ, Холмъ. Постройка городовъ, укрѣпленіе и украшеніе ихъ особенно занимали князя Даніила, его брата Василька и племянника Владимира Васильковича, и подобно тому, какъ нѣкогда Владимерко въ выборѣ Галича, такъ и они въ основаніи Холма, Львова, Каменца проявили большое политическое и экономическое чутье. О количествѣ основанныхъ Даніиломъ городовъ лѣтопись говоритъ: «созда города многи», не всѣ называетъ но мы знаемъ, кромѣ Холма и Львова, еще Даниловъ, Истожекъ. Лѣтопись сохранила имя искуснаго инженера «хитреца Алексѣя». О построеніи Холма сохранилось красивое преданіе, какъ плѣнился красотой мѣста кн. Даніилъ, и довольно подробное описаніе устройства стѣнъ, башни, колодца, богатаго сада и каменнаго столпа съ изваяннымъ двуглавымъ орломъ, «гербомъ Даніиловой державы». Съ горы, на которой стоитъ Холмъ, открывается видъ на низменность, на противоположномъ концѣ которой красуется городъ Львовъ. Еще чаще и подробнѣе описываетъ лѣтопись постройку и украшеніе церквей, монастырей, снабженіе ихъ иконами, утварью, церковными одеждами, наконецъ, книгами. Патрональными церквами были: во Владимирѣ Волынскомъ—храмъ Успенія, гдѣ погребены князья Романъ Мстиславичъ, Василько и жена его, Владиміръ Васильковичъ; въ Галичѣ—соборъ Пресв. Богородицы съ усыпальницами князей Владимерки и Ярослава Осмомысла; въ Холмѣ—соборъ Пресв. Богородицы, гдѣ погребенъ Даніилъ Романовичъ и сыновья его. Не мало возникло монастырей на территоріи Волыни и Галиціи, среди ихъ отмѣтимъ и княжескій монастырь св. Апостоловъ, построенный Владиміромъ Васильковичемъ, и основанный игу-

меномъ Петромъ, будущимъ митрополитомъ всея Руси, Ратнескій, и Синеволодскій на р. Стырѣ, гдѣ Данилъ видѣлъ многихъ бѣглецовъ отъ безбожныхъ татаръ, и Даниловскій—въ Угровскѣ, гдѣ постригся Войщекъ, и монастырь г. Полонины, гдѣ проживалъ извѣстный святостью жизни, наставникъ иночества, Григорій; ко времени татарскаго нашествія относятъ и основаніе знаменитой Почаевской обители кіевскими иноками. Внѣшнему благосостоянію, богатству соотвѣтствовало культурное состояніе Южной Руси. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ и памят-

Городъ Холмъ въ XVII вѣкѣ.

ники искусства и памятники письменности. Вотъ, напр., описаніе церкви св. Іоанна Златоуста въ Холмѣ, творенія «хитреца Авдія». «Главныя арки были утверждены на четырехъ человѣческихъ головахъ (неясно говоритъ лѣтопись), искусно изваянныхъ художникомъ. Три алтарныхъ окна были украшены стеклами римскими, а своды покрыты лазурью и золотыми звѣздами; два алтарные столба высѣчены изъ цѣльнаго камня; бока и арки сѣверныхъ и южныхъ дверей выложены бѣлымъ галицкимъ и зеленымъ холмскимъ камнемъ съ узорчатою рѣзьбою художника; снаружи храмъ былъ испещренъ «прилѣпами», т.-е. рѣзными украшеніями. Несмотря на гибель памятниковъ письменности въ періодъ нашествій и смутъ—мы имѣемъ не мало произведеній Галицко-Волынской земли: и многочисленныя священныя и

богослужебныя книги, какъ-то: Евангеліе, Псалтири, Ирмологи, Прологи, и списокъ сборника Святослава, найденный въ Перемышлѣ, и сборникъ съ переводомъ хроники І. Малалы, и сборникъ полемическихъ сочиненій противъ Латинянъ. Собственно ручнымъ рукописаніемъ и массой книгъ снабжалъ церкви великій книжникъ кн. Владимиръ Васильковичъ. Этотъ «философъ», «ясно глаголаше отъ книгъ», разумѣлъ древнюю исторію и много бесѣдовалъ отъ книгъ съ епископомъ. Онъ и его жена заказали переписать Кормчую для митр. Кирилла. Просвѣщенный примѣръ князей (Даніила лѣтописецъ называетъ мудрымъ, вторымъ Соломономъ) находилъ себѣ подражаніе. У кн. Даніила былъ печатникъ Кириллъ, у Владимира—писецъ Ѳедорецъ. Въ XIII вѣкѣ въ Галичѣ славился премудрый Тимофей, а неизвѣстный галицкій священникъ переписываетъ для венгерскаго монаха книгу Судей и сообщаетъ свѣдѣнія о татарахъ. Для княжаго тіуна Петра переписываются поученія Ефрема Сирина. Наконецъ, сама Галицко-Волынская лѣтопись—безсмертный памятникъ по своимъ историческимъ и литературнымъ достоинствамъ, а сохранившіеся въ ней обрывки народной поэзіи и упоминаніе о славномъ пѣвцѣ Даніиловомъ Митусѣ напоминаютъ, что не изсякала волна народнаго творчества. Такимъ образомъ, справедливы слова въ житіи митр. Петра, уроженца Равы—города, что въ его время «была въ чести и времени земля Волынская, превосходящая изобиліемъ и славою».

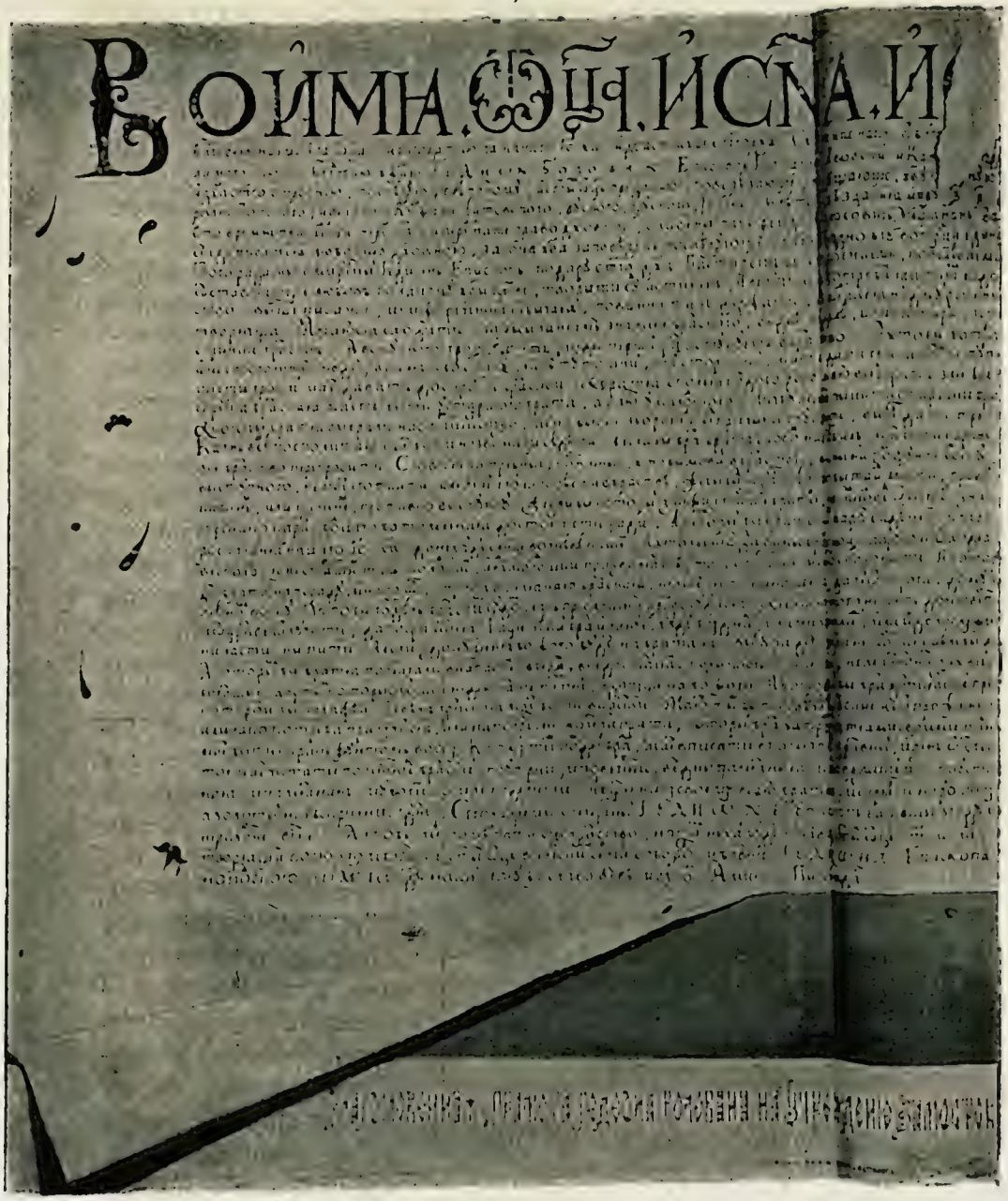
Но что же за пятна были на этой блестящей картинѣ матеріальнаго и духовнаго развитія Галицко-Волынскаго государства? Близость къ Западу, частыя политическія сношенія, общеніе на почвѣ экономической и культурной, брачные союзы князей и дружинниковъ съ иноземцами и иновѣрцами—все это создало широкую вѣротерпимость, мягкое отношеніе къ иноземцамъ, стремленіе (у Даніила и у лѣтописца) найти общехристіанскія и общечеловѣческія точки взаимнаго соприкосновенія. До XIII вѣка эта близость къ Западу уравновѣшивалась не меньшею близостью къ Византіи, тѣсною связью съ Русью. Съ XIII вѣка и то, и другое ослабляется и мало-по-малу обрывается. А между тѣмъ и Римъ, и Нѣмцы не упускали изъ виду цѣлей пропаганды католичества и онѣмеченія славянъ, продолжали быть воинствующимъ элементомъ. Мы видѣли уже попытки со стороны Рима при сильныхъ князьяхъ Романѣ

и Данінлѣ, не удивительно, что эти попытки были успѣшнѣе при такихъ князьяхъ, какъ Юрій II—Болеславъ, перешедшій въ католичество и притѣснявшій своихъ православныхъ подданныхъ. Мы видѣли также, какъ хозяйничали нѣмцы въ Краковѣ, и не удивимся тому, что широкая волна нѣмецкой, еврейской, польской, литовской колонизаціи, хлынувшая въ Галичъ со временъ Данінла, уничтожила этнографическую цѣлость населенія и ослабила его національную стойкость. Это обстоятельство въ связи съ ролью боярства, которое, особенно въ Галичѣ, всегда легко воспринимало чуждые идеалы, подготовило благопріятную почву при внѣшнемъ натискѣ со стороны Польши и Литвы. И такимъ образомъ, та своеобразная черта Галицко-Волынской жизни, которая и поражаетъ и плѣняетъ насъ, черта широкаго умственнаго и духовнаго размаха—оказалась роковой въ исторіи Южной Руси, и невольно вспоминается аналогичный моментъ въ жизни Сѣверо-Восточной Руси, когда то же прекращеніе династіи, въ сложное по внутреннимъ и внѣшнимъ причинамъ время, вызвало «великую разруху Московскаго государства», но не имѣло пагубныхъ послѣдствій, благодаря силѣ и опредѣленности національнаго чувства народа.

Галиція подъ иноземной властью.

Съ 1340 по 1387 годъ шла борьба между Польшей и Литвой за обладаніе Галицко-Владимирской земли, съ 1340 по 1387—русскіе люди, понимавшіе опасность, дѣлали безплодныя попытки выйти изъ этой борьбы побѣдителями, подобно своимъ предкамъ въ прежніе годы. Грамоты Казимира и папы ясно показываютъ конечную цѣль ихъ политики: «отмстить обиду, причиненную христіанской вѣрѣ» (устраненіемъ Юрія II—Болеслава—сторонника Рима), для чего Казимиръ двинулъ полки на Русь. Римская курія, Венгрія и нѣмецкій Орденъ явились союзниками польши противъ Руси и, соединившей съ нею свои интересы, Литвы. Въ этой 47-лѣтней борьбѣ останавливаютъ на себѣ вниманіе, какъ личность трагическаго князя Любарта, такъ и личности двухъ бояръ: Дѣтки и Данінла Острожскаго, дѣлавшихъ геройскія усилія для отстаиванія независимости Галицко-Владимирской земли. Въ 1386 г. бракъ Ягайлы съ Ядвигой, соединивъ Литву съ Польшей, кончилъ долгій споръ тѣмъ, что Червонная Русь вошла въ составъ Польши

подъ именемъ русскаго воеводства (Львовская, Перемышльская, Саноцкая, Галицкая и Холмская земли); унія 1569 г. закрѣпила за ней эти земли окончательно. И тотчасъ же хлынула волна польской колонизаціи въ богатыя Южно-Русскія области: тутъ была мелкая шляхта, тутъ были безземельные шляхтичи, тутъ были и представители знати, изъ которыхъ выросли тѣ магнаты, которые впослѣдствіи держали въ своихъ рукахъ судьбы Польши,—и всѣ они шли на русскую почву, чтобы осуществить здѣсь всю ту полноту правъ, для которой мало было простора народинѣ. Тѣ изъ русскихъ бояръ, что проявили солидарность съ польскимъ элементомъ, вошли въ ряды этого правящаго класса и слились по духу съ нимъ; тѣ же, что оставались вѣрны своей народности и вѣрѣ, еще долго боролись съ католическимъ натискомъ и, на ряду съ нѣкоторыми княжескими родами, заслужили славу стойкихъ борцовъ; наконецъ, многіе оттѣснились на задній планъ и растаяли въ народной массѣ. Эта народная масса и стала хранить православіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и свою національность, и оправдала слова, что въ Галичинѣ православіе держитъ: «хлопъ да попъ». Политику польскаго правительства испытали и русское мѣщанство и земледѣльческій классъ. Русское мѣщанство было отстранено отъ самоуправленія городскихъ общинъ: магдебургскимъ правомъ схизматики не пользовались. Земледѣльческій свободный классъ постепенно спускался въ положеніе рабовъ. Но остались свободныя общины у подножья Карпатъ и, благодаря этимъ свободнымъ горцамъ, благодаря тому, что сосѣднія степи звали къ себѣ недовольныхъ—въ Галичинѣ мы видимъ броженіе среди русскаго населенія уже въ XV вѣкѣ; впервые въ Червонной Руси примѣнили къ бѣглецамъ въ степи—имя козака; въ Галичинѣ въ 1490 г. встрѣчаемъ возстаніе противъ польскаго ига подъ предводительствомъ нѣкоего загадочнаго Мухи и такимъ образомъ тамъ намѣчаются тѣ событія, что черезъ два вѣка разыгрались на Южной Руси.—Понятно, что церковь явилась въ Галиціи единственнымъ центромъ, въ которомъ сосредоточилась вся историческая жизнь русскаго народа, единственной хранительницей традицій религіозныхъ, національныхъ и историческихъ. Къ чести Галиціи надо сказать, что свою вѣру она хранила въ вѣкѣ борьбы не съ меньшимъ, если не съ большимъ мужествомъ и постоянствомъ, чѣмъ остальная Юго-Западная Русь, а между тѣмъ положеніе православной



Грамота Гедеона Балабана.

церкви здѣсь было въ худшихъ условіяхъ. Еще за время самостоятельности края, въ XIII вѣкѣ, благодаря терпимости галицкихъ князей, доминиканцы получили разрѣшеніе устроиться въ Галичѣ, а францисканцы—въ Перемышлѣ, что подало поводъ Казимиру признать своей первѣйшей задачей усилить католицизмъ здѣсь учрежденіемъ викаріатства, устройствомъ латинскихъ епархій, поставленіемъ латинскаго архіепископа. Одновременно же онъ стремится ослабить и унизить православное духовенство. Въ Галицко-Владимирской землѣ къ этому времени были: древнѣйшая, со временъ Владимира Святого, Владимиро-Волынская епархія, къ которой присоединились Луцкая и Перемышльская, съ XII вѣка—Галицкая и со временъДаніила—Холмская. Еще при Юріи Львовичѣ явилась попытка устроить особую Галицкую митрополію, и изъ первыхъ митрополитовъ былъ св. Петръ, удалившійся затѣмъ въ Москву. Обособленность отъ общерусской митрополіи была на руку польскому правительству, а съ конца XIV вѣка оно пробуетъ нанести сильный ударъ православію. Латинскія епархіи располагаются на мѣстѣ православныхъ, захватывая церкви и имущество; исчезаетъ епископство, и по духовнымъ дѣламъ православные должны ѣздить въ Молдавію. И если затѣмъ мы видимъ опять Галицкаго епископа, подчиненнаго митрополіи Кіевской, то униженіе православнаго духовенства все-таки характеризуется тѣмъ, что попы и хлопы сравнены въ несеніи повинностей, а православные должны платить десятину въ пользу католической церкви. Хотя попытка ввести въ Галиціи унію во время Флорентійскаго собора

Епископъ Гедеонъ Балабанъ.

не удалась *), но притѣсненія православныхъ и крайній фанатизмъ польскаго духовенства проявляются весьма ярко. Во второй половинѣ XVI вѣка львовскій архіепископъ Суликовскій принуждаетъ русскихъ праздновать католическіе праздники и разгоняетъ молящихся изъ православныхъ храмовъ наканунѣ Рождества Христова. Съ введеніемъ уніи 1596 г. началась еще болѣе ожесточенная борьба, ибо Галицкая Русь уніи не приняла, и положеніе ея рисуется въ простотѣ Львовскаго братства 1508 г. «Русскихъ священниковъ сажаютъ въ заключеніе, запираютъ церкви, изъ рукъ священниковъ вырываютъ Св. Тайны и бросаютъ на землю, не допускаютъ русскихъ къ ремесламъ, а тѣхъ, которые уже были записаны въ цехи, наспѣмъ, денежною пенею и тѣлеснымъ наказаніемъ принуждаютъ ходить въ латинскіе костелы». Если притѣсненія въ Галиціи были таковы же, что и вездѣ на Юго-Западной Руси, то и борьба велась знакомыми намъ средствами. Одной изъ первыхъ крупныхъ фигуръ является львовскій епископъ Гедеонъ Балабанъ, поставленный за свою ревность въ

*) Любопытно, что отверженный митр. Исидоръ фигурируетъ въ учебникахъ современныхъ правительственныхъ Галицкихъ школъ.

экзархи Константинопольскаго патріарха. Вокругъ этого святителя, «непокорнаго старика Сусанина» (по выраженію Ипатія Потѣя), сплотилась вся Русь, и крѣпко держалась греческаго исповѣданія; Гедеонъ Балабанъ строилъ церкви, заводилъ школы, типографіи. Въ его имѣніи Стрятинѣ и во Львовѣ были школы съ преподаваніемъ греческаго языка. Въ типографіяхъ печатались книги по греческимъ спискамъ, для чего епископъ сносился съ патріархами и лично переводилъ съ греческаго.

Изъ Апостола Львовскаго изданія, {1573–1574 г.}

Говорить о дѣятельности всѣмъ извѣстнаго князя Константина Острожскаго не приходится. Но то, что предпринимали отдѣльные борцы, продолжало долгіе годы Львовское ставропигійное братство: извѣстны его школа, его типографія, гдѣ работалъ печатникъ Иванъ Ѳедоровъ, и гдѣ печатались многія славяно-русскія сочиненія. Въ обширной полемической литературѣ XVII вѣка встрѣчаемъ писателей — Галичанъ. Таковы Юрій, авторъ «Перестроги», Копыстенскій Захарій, авторъ «Палинодіи», и въ особенности пламенный аѳонитъ Іоаннъ Вишенскій и схимонахъ Іовъ Княгинецкій. Іоаннъ, уроженецъ

Вишни въ Галиціи, ушелъ на Святую гору Аѳонскую, посвятивъ себя иноческимъ подвигамъ. Но и изъ своей далекой Зографской обители онъ слѣдилъ пламенной душой своей за всѣмъ, что дѣлалось на родинѣ, скорбѣлъ и посылалъ свои бурныя посланія. Искреннее чувство, выразительность, смѣлость производили сильное впечатлѣніе. Онъ громилъ пороки, громилъ измѣнниковъ православію, громилъ измѣну старо-русскимъ обычаямъ и воззрѣніямъ; онъ скорбѣлъ за судьбу тѣхъ, «кто изъ одной мисочки борщикъ хлебаютъ, простой свитой покрываются...». «Эта истинно библейская фигура монаха, который металъ настоящіе громы... умѣлъ жечь сердца своихъ православныхъ современниковъ, дѣйствительно, заслоняетъ собой всѣхъ другихъ дѣятелей». Въ перепискѣ съ Іоанномъ состоялъ и Іовъ Княгинецкій, этотъ выдающійся основатель многихъ скитовъ, въ особенности, знаменитаго скита Манявскаго. Также уроженецъ Галиціи (въ Покутьѣ, г. Тисмяницѣ), Іовъ отправился на Аѳонъ и принялъ монашество въ Ватопедскомъ монастырѣ.

КОНСТАНТИНЪ КОРНИАКТЪ.

Попавъ на родину, Іовъ, бывшій въ родствѣ съ Гедеономъ Балабаномъ, остался здѣсь и принялся за устройство обителей; въ одной изъ нихъ, Угорницкахъ, навѣстилъ его, пріѣзжавшій однажды на родину, Іоаннъ Вишенскій. Человѣкъ образованный, знавшій греческій языкъ, Іовъ былъ и пламеннымъ проповѣдникомъ. Онъ оставилъ по себѣ сочиненіе «Исповѣданіе вѣры», а словомъ наставлялъ и приходившихъ къ нему и всѣхъ, кого встрѣчалъ, обходя пѣшкомъ область и убѣждая быть ревностными православными. Послѣдній изъ основанныхъ имъ скитовъ—въ Манявѣ на р. Баторсовой получилъ названіе Великаго скита, «Новаго Ватопеда въ Россіи» и сослужилъ великую службу въ тяжкіе годы конца XVII и XVIII вѣковъ. Въ Манявскомъ скитѣ и скончался великій старецъ. Хотя совсѣмъ далеко была Москва, но случайныя точки соприкосновенія были, и служили онѣ тонкой нитью, связывавшей отдѣленныя пространствомъ и судьбой русскія земли. Такъ старецъ Іовъ былъ въ Москвѣ за сборомъ милостыни, такъ царь Ѳеодоръ Іоанновичъ оказалъ щедрую поддержку Манявскому скиту и послалъ богатую милостыню Львовскому братству: на куполѣ Львовскаго Успенскаго собора доселѣ хранится надпись: «Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ бысть благодѣтель храма сего». Этотъ храмъ явился т. о. результатомъ благотворительной дѣятельности московскаго царя и грека Константина Корніакта, переселившагося въ южную Русь. Изъ послѣдняго факта, равно какъ изъ житій Іоанна Вишенскаго и Іова, можно наблюдать, что связь съ Константинополемъ продолжалась не только оффиціальнымъ путемъ церковныхъ отношеній. И мы должны сказать, что твердость и устойчивость въ тяжелые годы подневольной жизни, проявленная Галиціей, является результатомъ той работы политической и культурной, какую мы наблюдали въ періодъ ея самостоятельнаго существованія. Замѣтная въ то время обще-русская связь и частыя сношенія съ Царьградомъ способствовали и въ годы оторванности и обособленности отъ Сѣверо-Восточной Руси и Константинополя—поддержанію слабаго пламени народнаго и православнаго единенія.

Но наступало время, когда сила сопротивляемости народа чужому засилью ослабѣла. Новыя правовыя нормы и вторгнувшаяся польская жизнь дѣлали свое дѣло. Подъ вліяніемъ польской культуры ополячилась и окатоличилась родовитая знать: «ихъ сманили, ихъ плѣнили Польши шумные пиры»;

подъ ударами новыхъ экономическихъ условій упала городская жизнь: почти прекратилась торговля и промышленность; подъ ударами новыхъ соціальныхъ условій закрѣпощалось крестьянство, изнемогавшее подъ барщиной, и превращалось въ забитое холопство. Невыносимый религіозный и соціально экономическій гнетъ вызывалъ въ Галичинѣ рядъ возстаній въ Городкѣ, Яновѣ, Тарнополѣ; неудержимой волной разлилось это возстаніе во время движенія Богдана Хмѣльницкаго; тогда особенно сильно дѣйствовало Покутье (на правомъ Поднѣстровьѣ). Но и возстаніе Хмѣльницкаго, столь благопріятное для Малороссіи, не принесло ничего Галиціи; наоборотъ, съ присоединеніемъ восточной украйны и Кіева къ Москвѣ, съ подчиненіемъ Кіевской митрополіи Московскому патріарху, съ отливомъ населенія изъ право-бережной Украйны въ лѣво-бережную—Галицкая земля оказалась еще въ болѣе обособленномъ, одинокомъ и беззащитномъ положеніи. И результатъ не замедлилъ сказаться: перешелъ въ унію епископъ Перемышльскій, за нимъ въ 1700—Львовскій и ставропигія... Унія, которой такъ долго сопротивлялась Галиція, была введена. И послѣднимъ свѣточемъ православія остался только Манявскій скитъ, иноки котораго въ теченіе всего XVIII вѣка хранили православную вѣру и поддерживали воспоминаніе о ней среди Галичанъ.

На тяжелое положеніе Галиціи обратилъ вниманіе Петръ Великій и, въ бытность свою тамъ, требовалъ у польскаго короля прекращенія притѣсненія православныхъ и строгаго наказанія львовскому митрополиту Шептицкому за насильственное обращеніе въ унію Львовскаго братства *).—Однако духъ сопротивленія не вовсе еще угасъ въ народѣ русскомъ, и въ Карпатскихъ горахъ, въ Покутьѣ, продолжаютъ вспыхивать возстанія «опришковъ», такъ назывались мѣстные гайдамаки; «ватаги» опришковъ пополнялись и образовывались изъ гуцуловъ—горцевъ, которымъ много помогало сосѣдство съ Молдавіей. И до сихъ поръ въ народной поэзіи звучитъ воспоминаніе объ этихъ «опришкахъ-гайдамакахъ», объ ихъ борьбѣ съ ляхами, положить конецъ которой не въ силахъ было польское правительство XVIII вѣка.

*) Интересно, что фамилія Шептицкихъ—роковая въ исторіи Галицкой церкви: таковы Шептицкій при имп. Екатеринѣ и Шептицкій нашихъ дней.

Въ 1772 г., по первому раздѣлу Польши, Галиція отошла къ Австріи за исключеніемъ двухъ округовъ (Тарнопольскаго и Скалатскаго), которые были отданы Австріи въ 1815 г., по Вѣнскому конгрессу, побѣдителемъ Наполеона и спасителемъ Европы, имп. Александромъ I, и милліонъ русскихъ людей, только что вернувшихся въ православіе, былъ насильственно переведенъ въ унію. Годы 1772 и 1815, такимъ образомъ, являются позорными страницами въ исторіи Руси Державной по отношенію ея къ Галиціи и роковыми для Руси подъяремной. Въ какомъ состояніи перешла Галиція изъ-подъ польской власти подъ австрійскую рисуютъ слова Левицкаго (оффиціала), въ 1773 г.: «я уже совершенно сжился съ мыслью, что Русь погибнетъ скорѣе, чѣмъ что-нибудь изъ нея выйдетъ. Очень жаль, что мы чему-то учились: такъ какъ, если бы мы, подобно нашимъ отцамъ, ничего не знали, то не чувствовали бы тѣхъ кривдъ, какія терпимъ безъ вины... Жаль, что конфедератамъ не повезло. Они бы насъ вырѣзали и успокоились, а то теперь бьютъ насъ, бьютъ и не могутъ убить». Дѣйствительно, народная масса была въ глубокомъ рабствѣ, не смѣя проявлять духовной жизни, мѣщанство малочисленно и безправно, единичные шляхтичи, оставаясь еще въ уніи, по языку и національнымъ традиціямъ были уже чужды; духовенство—высшее тянуло къ латинству и польщизнѣ, низшее—невѣжественное было сравнено по положенію съ хлопами. Но эти-то «попы-хлопы» и поддерживали все-таки русскую народность.

Австрія завладѣла Галиціей въ эпоху Маріи-Терезіи и Іосифа II—эпоху просвѣщеннаго абсолютизма. Прежде всего она дала твердую бюрократическую власть вмѣсто польской анархіи. Идеи Іосифа II сказались въ облегченіи крестьянства: мы видимъ указы объ ограниченіи власти помѣщиковъ, о возвращеніи хлопамъ нѣкоторыхъ личныхъ правъ, и эти мѣры показались, конечно, громаднымъ благодѣяніемъ для обездоленной массы. Политическія соображенія, недовѣріе къ польскому элементу, вынудили австрійское правительство обратить вниманіе на русскую народность, враждебную польской, и оказать поддержку уніатскому духовенству. Съ этой цѣлью было обращено вниманіе на просвѣщеніе: открыты Львовская семинарія, Львовскій университетъ съ преподаваніемъ на богословскомъ факультетѣ на русскомъ языкѣ, открыты при церквахъ сельскія школы. Нельзя, однако, забывать, что Іосифъ II

при своей реформаторской дѣятельности хотѣлъ изъ различныхъ народностей, подчиненныхъ его власти, создать единую націю и лучшее къ тому средство видѣлъ въ германизаціи иноплеменныхъ и иноязычныхъ частей монархіи. И потому неудивительно, что именно Іосифъ II закрылъ и предалъ разрушенію Манявскій скитъ, служившій послѣднимъ напоминаніемъ о православіи. Скитъ привлекалъ къ себѣ тысячи богомольцевъ, и уніатскіе храмы пустовали. До нашихъ дней развалины его будятъ въ населеніи воспоминанія о прошломъ и манятъ грезами будущаго: «чернецы де вернутся, обитель зацвѣтетъ снова, а ея слава и богатство станутъ еще больше, чѣмъ были прежде».—Какъ бы то ни было, первые годы власти австрійской показались Галичинѣ много лучше польской. Но положеніе дѣлъ скоро измѣнилось: наступилъ періодъ реакціи и католическаго вліянія, время Меттерниха. Началась система германизаціи путемъ поселенія нѣмцевъ въ Галиціи и путемъ введенія въ школы нѣмецкаго языка. Взглядъ на русскую народность измѣнился. Если еще первый губернаторъ гр. Пергенъ предлагалъ употреблять русскихъ лишь, какъ орудіе противъ поляковъ, то нѣмецкій историкъ Энгель выразилъ еще опредѣленнѣе свой взглядъ на русскую опасность австрійскому правительству. «Кто не испугается того, что русскій генералъ Тутолминъ поясняетъ въ своемъ универсалѣ 1795 г., по поводу занятія Холма, Белза и Луцка, что то были когда-то составныя части древняго русскаго государства... А что было бы, если бы русскому кабинету вздумалось утверждать, что Галиція есть собственно рус-

Манявскій скитъ.

ская провинція». Въ этихъ словахъ коренится причина всей дальнѣйшей политики Австріи. Она стремилась уничтожить и предать забвенію все, что такъ или иначе могло поддерживать единство и связь русской народности Галиціи съ Русью Державной... И Галиціи подъ австрійской зависимостью приходилось вести въ теченіе больше чѣмъ столѣтія борьбу за народность, за языкъ, за свое національное самосознаніе, за свое прошлое. Австрійское правительство примирилось съ поляками и рѣшило предоставить имъ хозяйничаніе въ Галиціи, въ которой возобновился и польскій гнетъ. Доказательствомъ можетъ служить исторія съ языкомъ преподаванія въ школахъ сельскихъ. Ходатайство о замѣнѣ нѣмецкаго языка материнскимъ было уважено съ замѣной нѣмецкаго... польскимъ, ибо по объясненію правительства, «мѣстный языкъ Галиціи—польскій языкъ» (1818 г.); и дальше найдемъ причину такого объясненія: «менѣе желательно распространять вмѣсто польскаго малорусскій языкъ, который есть лишь нарѣчіе россійскаго языка». Но противъ полонизаціи началась борьба. Несмотря на нужду и темноту «поповъ-хлоповъ»—колебанія въ вопросѣ о народности у нихъ не могло быть, и среди нихъ иной разъ появлялись начетчики, «дышавшіе типикомъ и псалтырью, которые помнили завѣты Іоанна Вишенскаго и писали «твоя родителька (православная церковь) не въ роскошахъ свѣта того, але въ гуняхъ, скурахъ... по горах.., абысте, прошедши тутъ сквозь огнь и воду, впроважены были до оного вѣчного покою». Церковный обрядъ—единственное, что напоминало о Руси. Представленіе о «велыка русска маты» (выраженіе Гарасевича), о славномъ прошломъ стало смутнымъ.—Между тѣмъ политическія событія 30-хъ годовъ, увлеченіе романтическое народностью, вызвали и среди галицкой образованной молодежи стремленіе поработать на пользу Руси, чему способствовали и домашняя обстановка, и греческій календарь, и особый алфавитъ. «Часъ уже Ляхамъ перестати, а намъ, Руснамъ, начинати», написалъ одинъ семинаристъ. И дѣйствительно, выступаетъ на историко-литературное поприще знаменитая «троица»: Шашкевичъ, Василевичъ и Головацкій, издавшая въ 1837 г. сборникъ галицкорусскихъ народныхъ пѣсенъ: «Русалка Днѣстрова», и Зубрицкій, посвятившій себя изученію родной старины. На это движеніе откликнулись въ Россіи, и Максимовичъ изъ Кіева писалъ: «Возрожденіе словесности въ Червонной Руси есть явленіе

утѣшительное... На какомъ бы ни писали языкѣ галичане—все равно, лишь бы писали они о своей милой Руси... но надо писать на своемъ родномъ языкѣ, подобно нѣмцамъ, французамъ...». И далѣе онъ касается больного вопроса современности—соотношенія русскаго литературнаго языка и южно-русскаго. «Для русиновъ—пора польскаго языка прошла для нихъ давно, пора великорусскаго языка для нихъ еще не наступила. Потому весьма желательно, чтобы они, подобно вамъ (Зубрицкому), усвоили себѣ великорусскій языкъ, но ваша червоно-русская словесность должна быть по моему мнѣнію... на южно-русскомъ».—Австрійское правительство отвѣтило на литературное движеніе конфискаціей «Русалки Днѣстровой».—Наступали, между тѣмъ, въ Австріи революціонные годы: съ 1848—1866 измѣнились условія ея жизни и въ 1867 г. началась конституціонная жизнь Австро-Венгерской монархіи при императорѣ Францѣ-Іосифѣ. Галиція вошла въ сферу австрійскаго парламента. Въ опасные годы революцій Австрію спасали Россія при императорѣ Николаѣ I и русское населеніе Галиціи, о которомъ само правительство заявляло, что оно возлагаетъ надежду на «благонадежныхъ русскихъ поповъ и вѣрный, честный и готовый къ жертвамъ крестьянскій русскій народъ». Но на выраженныя затѣмъ требованія, русское населеніе получило очень немногое: каѳедру малорусскаго языка во Львовскомъ университетѣ, введеніе малорусскаго языка въ нѣкоторыхъ школахъ. Раздѣленія Галиціи на западную и восточную не было дано. А затѣмъ австрійское правительство назначило въ Галицію гр. Голуховскаго, который подъ видомъ австрійскаго патріота, повелъ дѣло полонизаціи и принесъ галицко-русскому народу много вреда. Онъ стремился подорвать довѣріе къ русской народности, обезпечить полякамъ полное господство; онъ добивался введенія латинской азбуки въ галицко-русскую письменность, откровенно указывая, что «галичане до сихъ поръ ничего не сдѣлали, чтобы обособить свой языкъ отъ великорусскаго», и дополняя такимъ образомъ слова Стадіона въ 1848 г. русской депутаціи: «откажитесь отъ національнаго единства съ народомъ внѣ государства, именно въ Россіи; захотите быть рутенами, а не русскими». Если на это требованіе австрійскаго правительства стойкіе патріоты отвѣтили въ лицѣ о. Наумовича (1866 г.) «сходства нашего языка съ языкомъ всей Руси не уничтожитъ никто на свѣтѣ», то болѣе податливая группа провоз-

гласила себя рутенскимъ народомъ, отдѣльнымъ отъ россійскаго. И такимъ-то образомъ къ парламентской борьбѣ при отстаиваніи своей народности, своего языка, своей самобытности присоединилась въ Галичинѣ борьба партійная. Это печальное явленіе осложнило жизнь, внесло путаницу во взаимныя отношенія русскихъ людей, которые и безъ того стояли лицомъ къ лицу съ опасностью польской и съ опасностью германской.

Польская опасность проявилась очень сильно, благодаря тому вліянію, какое получили поляки на дѣла Галиціи, послѣ сближенія своего съ австійскимъ правительствомъ. «Австрія должна быть снаружи щитомъ цивилизаціи Запада... такое посланничество было нашей (Польши) участью въ продолженіе долгихъ вѣковъ... и съ вѣрой въ посланничество Австріи, объявляемъ, что при Тебѣ... стоимъ и стоять хотимъ»—такъ гласилъ адресъ поляковъ Францу-Іосифу, послѣ котораго привилегіи для польской народности посыпались, какъ изъ рога изобилія.—Поляки достигли того, чего не ожидали, того, на что не могли расчитывать русскіе галичане послѣ своей поддержки Габсбургской династіи. Раздѣленія на западную (польскую) и восточную (русскую) Галицію, какъ требовали русскіе, не послѣдовало, равно какъ и соединенія округовъ Угорскаго и Буковинскаго съ русской частью Галиціи. Наоборотъ, областной сеймъ былъ въ рукахъ польскихъ (на 158 депутатовъ—11 русскихъ), въ рейхстагѣ изъ 78 депутатовъ посылалось отъ русскихъ 7; намѣстникъ Галиціи, маршалъ сейма—полякъ, всѣ высшія чиновныя мѣста за поляками: особый министръ по дѣламъ Галиціи—полякъ. Польскій языкъ получилъ господство въ управленіи, въ университетахъ Краковскомъ, Львовскомъ (за русскимъ языкомъ осталось 6 каѳедръ), въ технической академіи. Такимъ образомъ, господство поляковъ распространилось и въ восточной Галиціи. И поляки постарались затѣмъ ослабить русскую народность, поддерживая ту рознь и борьбу партій, какая въ ней началась. Надо было добиться вмѣстѣ съ тѣмъ того, на отсутствіе чего жаловался гр. Тарновскій, говоря, «ненависти къ москалямъ, которой именно нужно, какъ гарантіи и основы настоящей и отдѣльной Руси, до сихъ поръ не видно нигдѣ» (1885). Работу поляковъ облегчила народовецкая-украинофильская партія, явившаяся въ противовѣсъ старо-русской-свято-юрской. Началась борьба за языкъ, за азбуку, за опредѣленіе своей народности, подобно тому, какъ нѣсколько раньше началась борьба за обрядъ. Сущность послѣдней заклю-

чалась въ томъ, что одна партія стремилась къ сближенію съ латинской церковью, а другая стремилась сохранить чистоту грекосточнаго обряда въ уніи, дабы она являлась поддержкой для обособленности русской народности. Высшее уніатское духовенство тянуло къ сближенію съ Римомъ, особенно митрополитъ Сембратовичъ и нашъ современникъ Шептицкій. Сембратовичъ въ 1893 г. заявилъ «русску индивідуальность народну охоронити може лише католич. церква въ обряді східнім», и стремился наполнить обрядъ новаторскими церемоніями. Борьба за азбуку велась долго, намѣреніе Голуховскаго ввести латинскій алфавитъ потерпѣло неудачу послѣ «азбучной войны», но вмѣсто латинскаго алфавита было введено измѣненіе правописанія и письмо фонетическое, дабы хоть такимъ обрызомъ обособиться отъ россіянъ. Это фонетическое письмо провела народовецкая-украинофильская партія, отколовшаяся отъ старо-русской-свято-юрской. Борьба между ними началась съ 1864 г., съ вопроса объ изданіяхъ Галицко-русской Матицы: тогда уже обозначилась разница во взглядѣ на обработку языка: старо-русская партія стремилась къ обработкѣ языка на почвѣ церковно-славянской въ цѣляхъ сближенія съ русскимъ литературнымъ языкомъ; украинофильская—стремилась ввести народный языкъ и сблизить его съ польскимъ (чему способствовало введеніе въ него польскихъ словъ). Борьба за языкъ была тѣсно связана съ борьбою за опредѣленіе своей народности. Насколько старо-русская партія сознавала, что Галицкій народъ—часть великаго русскаго народа, настолько украинофильская—поспѣшила провозгласить другой лазунгъ: «мы—отдѣльный народъ отъ россійскаго и польскаго... Мы не gente Rutheni, natione Russi, но мы gente Rutheni, natione Rutheni». Ясно, что поляки и австрійское правительство поспѣшили поддержать идущее навстрѣчу ихъ политики заявленіе самихъ русскихъ. Намѣстникъ Бадени сказалъ: «Вы имѣете возможность развивать русскую народность въ Австріи въ направленіи, согласномъ съ державной идеей», а Билинскій затребовалъ и борьбу съ «gente Ruthenus, natione Moschus». Несмотря однако на то, что народовецкая партія сблизилась съ австрійскимъ правительствомъ и въ теченіе 90-хъ годовъ шла на рядъ уступокъ, мечты ея добиться правъ для галицко-русской народности оказались безнадежными, и «новая эра» конституціонной жизни не принесла ни малѣйшей пользы, наоборотъ, все болѣе закрѣпощала Галицію

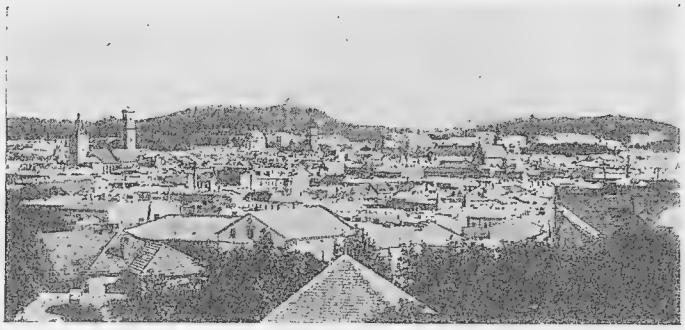
Польшѣ. Поляки даже стали высказывать свою давнишнюю мечту о выдѣленіи Галиціи на подобіе Венгріи и образованіи своего рода Пьемонта Польскаго съ польскимъ правительствомъ. «Slowo Polskie» заявило въ 1903 г., что «поляки не потерпятъ правового политическаго равенства между поляками и руссинами въ Галичинѣ, такъ какъ для Руси въ упомянутомъ значеніи здѣсь нѣтъ мѣста: здѣсь есть только Польша...». Русскій народъ увидѣлъ опасность, съ которой давно боролось старо-русская партія, и въ 1899 г. произошло временное сближеніе обѣихъ партій, согласившихся дѣйствовать вмѣстѣ, согласно общей программѣ. Программы сходились въ общей идеѣ, а именно, въ демократическомъ направленіи и въ борьбѣ за улучшеніе печальной доли галицкаго крестьянства; добивались, между прочимъ, раздѣленія Галиціи на западную и восточную, введенія русскаго языка въ управленіе, полной свободы и возможности развитія своей родной культуры. Въ 1900 г. мы уже читаемъ такое воззваніе «Братья Русины!.. мы мусимо въ себѣ самихъ выробити силу... вытворити свѣдомости нашихъ національныхъ интересовъ...» «Зъ поляками не може у насъ настати згода и мирна праця...» такъ гласила «Водозва» народнаго комитета. Вотъ съ какой задачей вступила Галиція въ XX вѣкъ!

Но нельзя сказать, чтобы XX вѣкъ принесъ разрѣшеніе этой задачи. Долго велась борьба за университетъ, который сталъ во Львовѣ польскимъ, и несмотря ни на что, остался таковымъ до сихъ поръ. Хлопоты объ основаніи русской гимназіи въ Станиславовѣ увѣнчались успѣхомъ черезъ 5 лѣтъ, и то только послѣ того, какъ русскіе послы дважды слагали свои мандаты. Учебная литература усиленно проводитъ мысль о вѣковой связи Южной Руси съ Польшей и съ Габсбургскимъ домомъ; статейки по русской исторіи чередуются съ таковыми изъ польской, и припѣвъ «тісно із Габсбуріів троном сплелась Австріи судьба» проводится повсюду *). Невыносимое положеніе галицкаго крестьянства, вслѣдствіе ряда указовъ въ пользу помѣщиковъ, вызвало не улучше-

*) Существуетъ, напр., серія книжекъ «Школа народна» (5 частей), гдѣ весьма искусно подобраны разнообразныя статьи для школьнаго чтенія. Въ нихъ характерны въ указанномъ направленіи статьи по исторіи, но все же статьи и, въ особенности, пѣсни являются блестящимъ протестомъ противъ «мовы» ученыхъ изданій проф. Грушевскаго.

ніе его, а массовую эмиграцію въ Бразилію, въ Соединенные Штаты, послѣ того, какъ со смертью о. Наумовича вопросъ о выселеніи на Кавказъ заглохъ; не мало галичанъ уходитъ на заработки въ Пруссію. Галичане, поселившіеся въ Америкѣ, чутко слѣдятъ за всѣмъ, что происходятъ на ихъ исконной родинѣ; не стѣсняемые больше австрійскимъ правительствомъ, они стали возвращаться въ православіе, доказавъ этимъ, куда стихійно влечется галицкій народъ, предоставленный самому себѣ. Благодаря этому движенію Галичанъ, расширилась въ Америкѣ православная церковь, составившая теперь нѣсколько епархій.— Между тѣмъ, по мѣрѣ бѣгства галицкаго крестьянства въ чужія земли, усиленно дѣйствуетъ польская колонизація, стремящаяся ополячить край. Польскіе помѣщики способствуютъ поселенію мазурскихъ крестьянъ и зовутъ къ себѣ въ Восточную Галицію польскихъ рабочихъ.—Вмѣстѣ съ тѣмъ австрійское правительство и польская администрація снова сблизилась съ украинофильской партіей и снова возгорѣлась портійная вражда. Старо-русская партія попрежнему исповѣдуетъ, на основаніи исторіи и дѣйствительной жизни, національное и культурное единство всего русскаго народа; она считаетъ нужнымъ просвѣщеніе на галицко-русскомъ нарѣчіи, но видитъ необходимость въ образованіи народа безъ разрыва съ исконными началами русской жизни. Положеніе этой партіи—тяжелое, но, несмотря на заявленіе намѣстника Бобржинскаго: «москалефильское направленіе, которое безусловно преобладало раньше, утратило свой перевѣсъ»,— продолжало работать. Имѣя за собой имена: Качковскаго, о. Наумовича, Мончаловскаго, «руссофилы» содержали бурсы, имѣли рядъ просвѣтительныхъ учрежденій: Галицко-русская Матица, общество имени Качковскаго, общество русскихъ женщинъ... и т. п. имѣли рядъ изданій. Девизъ партіи: «бо Русь одна, якъ Богъ одинъ». Украинофильская партія поддерживаетъ идею сепаратизма Галиціи и летературный языкъ сближаетъ съ польскимъ. Имѣя въ рукахъ университетскія каѳедры, имѣя рядъ ученыхъ учрежденій: Товариство наукове ім. Шевченка, Просвіта, рядъ изданій, партія стремилась къ просвѣщенію края въ духѣ обособленности и сближенія съ Польшей.—Какова была вообще обстановка жизни русскихъ людей въ Галиціи за послѣднее время, говоритъ краснорѣчиво процессъ въ Мармарошѣ.

И сейчасъ подъ грохотъ русскихъ пушекъ, приближавшихся къ стѣнамъ древняго Львова, наполнялись русскими мучениками тюрьмы и кровью казнимыхъ обогрялась Галицкая земля. Пусть же звучитъ отнынѣ, какъ исполнившееся чаяніе, возгласъ казнимаго наканунѣ вступленія русскихъ войскъ Галицкаго крестьянина: «да живетъ единая, недѣлимая Русь».



ГАЛИЧИНА.

Горная цѣпь, извѣстная подъ именемъ Карпатъ, длиною въ 150 миль, загибаясь лукомъ съ запада къ востоку, ограничиваетъ съ сѣвера Венгрію, отдѣляя ее отъ Галичины и Буковины. Восточные, русскимъ народомъ заселенные Карпаты, или Бескиды, начинаются отъ перевала р. Понрада, вытекающей изъ-подъ утесистыхъ Татровъ, и тянутся особою цѣпью отъ 2—4 т. ф. высоты къ востоку до источниковъ Латорицы и Стрыя. Отъ главнаго хребта отходятъ къ сѣверу и югу почти параллельно идущіе ряды окрайныхъ горъ, которыя сначала имѣютъ видъ хребтовъ средней величины, далѣе представляютъ гористую страну.

На южномъ склонѣ вѣтви Карпатъ, между рр. Теплой Ондавой и Лаборцемъ, являются вблизи главной цѣпи въ видѣ, по большей части, голыхъ, кое-гдѣ поросшихъ кустарникомъ, хребтовъ; долины ихъ отрожисты, глубоко изрѣзаны и безплодны; однако, у подошвы горъ прибрежныя долины р. Теплой большей частью обработаны, только долины р. Ондавы покрыты лѣсомъ. Гораздо выше, хотя и менѣе обнажены и обрывисты, вѣтви горъ между рр. Ондавой и Лаборцемъ, покрытыя сплошнымъ буковымъ лѣсомъ, сильно вырубленнымъ въ настоящее время. Русскія поселенія простираются до Виноградныхъ горъ Гедьялья и встрѣчаются даже возлѣ Токая. Есть русскія поселенія также въ за-Тисскихъ долинахъ. Далѣе къ востоку развѣтвленія Карпатъ, простирающіяся параллельными цѣпями между рр. Лаборцемъ, Угомъ и Латорицей—большей частью

утесисты, съ широкими долинами. Вершины покрыты дремучими лѣсами; менѣе крутыя мѣста служатъ пастбищами, въ долинахъ же стелются плодоносные поля и луга. Для сообщенія между селами проложены дороги, содержимыя въ хорошемъ состояніи. На сѣверной сторонѣ развѣтвленія главной цѣпи горъ простираются на 4 и на 6 миль вдоль Галичины, затѣмъ волнообразная почва понижается до рр. Вислы, Днѣстра и Прута, спускаясь до 4000 ф. в. Вислинская и Днѣстровская долины продолжаются далеко въ Россіи и соединяются съ большой восточной возвышенностью. Отъ источниковъ рр. Латорицы и Стрыя до источниковъ рр. Вишеевы и Золотой Быстрицы, подъ горой Вурву-Россой въ Семиградской землѣ, въ видѣ лѣсистаго въ 6—7 т. ф. в. широкаго хребта съ немногими перевалами, простираются лѣсистые Карпаты. Значительной высоты и дремучіе, отчасти первобытные лѣса на пространствѣ въ 500—600 кв. м. дѣлаютъ эти горы отъ Мукачева и Сколья до Молдавской границы дикими и неудобно проходимыми. На сѣверной сторонѣ Карпатъ развѣтвленія этой цѣпи простираются до рр. Днѣстра и Прута. Поросшіе лѣсомъ крутые бока кончаются обрывистыми спусками къ притокамъ, стремительно несущимъ горныя воды къ главной рѣкѣ—Днѣстру. Его русло, заносимое множествомъ щебня и песка, постоянно возвышается, отчего увеличиваются обширныя Стрыйскія и Самбурскія болота.

У подножья отроговъ Карпатъ, по которому идетъ подгорное шоссе, кончаются лѣса и стелются плодородныя поля и тучные луга вплоть до самаго Днѣстра. Главный характеръ этихъ горъ—сурово романтическій: темные лѣса и взгроможденныя массы торчащихъ камней перемежаются съ роскошными долинами, въ которыхъ гремучіе водопады и пейзажи представляются въ чудной красотѣ. Въ рѣчныхъ долинахъ и по уступамъ горъ стелются такія же плодородныя поля, тучные луга и роскошные фруктовые сады, согрѣваемые южнымъ солнцемъ, а ниже Пряшева, Ужгорода и Мукачева тянутся славные по всей Европѣ виноградники. Долины, узкія въ низкихъ концахъ, расширяются, и тутъ только, какъ на Галицкой, такъ и на Венгерской сторонѣ, проложены правильныя дороги, которыя нерѣдко, идя вверхъ къ началу долины, обрываются подъ самымъ гранитнымъ хребтомъ. Отъ главнаго Карпатскаго хребта отходятъ разныя вѣтви меньшихъ горъ и плоскогорій

въ направленіи къ сѣверу и востоку по всей Галичинѣ и Буковинѣ; спускъ этихъ горъ народъ называетъ *подгорьемъ*. Онѣ теряются въ Днѣстровской долинѣ, подобно тому, какъ южныя развѣтвленія за-Карпатскія расширяются по при-Тисской и при-Дунайской равнинамъ. Пространства между Днѣстромъ и Прутомъ—подобнаго же характера, славятся своимъ черноземомъ. Особенность страны въ Станиславскомъ, Коломѣйскомъ, Чортковскомъ уѣздахъ составляютъ воронкообразныя впадины земли, или котловины, представляющія правильныя круглыя, широкія (20—100 ф.) и низкія углубленія, называемыя вертебами, въ которыхъ подоляне, т.-е. жители равнинъ, нерѣдко устраиваютъ въ лѣтнюю пору свои пчельники. Эти впадины образуются вслѣдствіе подмыванія известковой или гипсовой подпочвы. Вода, собираясь въ нихъ, скоро проникаетъ сквозь гипсовую подпочву, разливая и углубляя еще болѣе котловину. Напротивъ того, по равнинамъ Галичины и Буковины находятся много высокихъ могилъ и кургановъ, свидѣтельствующихъ о великихъ сраженіяхъ, о другихъ важныхъ историческихъ событіяхъ и погибшихъ богатыряхъ, которыхъ память хранится въ преданіяхъ вѣрнаго народа.

Главный городъ Галичины, Львовъ, основанный княземъ Даніиломъ Романовичемъ между 1240 и 1254 годомъ, лежитъ на сѣверной окраинѣ Подольскаго плоскогорья, въ обширной котловинѣ, образованной рѣкой Полтвой, притокомъ западнаго Буга. Котловина эта окаймлена съ сѣвера Лысой горой. Здѣсь, на этой горѣ, стояло нѣкогда три креста, на поклоненіе которымъ приходили богомольцы. Гора возвышается за монастыремъ св. Онуфрія. Она была прежде безъ всякой растительности, но въ 1837 г. ее засадили деревьями, прорѣзали тропинками и устроили тамъ мѣсто для гулянья. На востокѣ котловины помѣщается Высокій замокъ, или гора Франца Іосифа, высшая точка въ Львовѣ; нѣсколько десятковъ шаговъ далѣе отъ этой горы поднимается, отдѣляясь отъ нея глубокимъ оврагомъ, другая конусообразная голая гора, называемая горою Льва или Стефана, снабжающая съ давнихъ поръ городъ бѣлымъ пескомъ. Немного далѣе, подъ городскимъ стрѣльбищемъ, возвышается Волчья гора и королевскій лѣсъ.

Всѣ эти возвышенности спускаются на сѣверъ къ подполтвян-

ской низменности. Далѣе безпрерывно тянутся холмы за холмами, на которыхъ лежитъ село Знесенье, Кривичскій и Лосницкій съ Чертовой Скалой. Съ юго-востока котловина окаймлена лѣсистымъ холмомъ Погулянкой, татарскими шанцами, съ юга—холмомъ Спопсковскимъ, Софіевкой и возвышенностью Вулецковой; съ запада котловина замыкается обширнымъ плоскогорьемъ, на которомъ возвышается холмъ св. Юрія, гора Справедливости, на которой нѣкогда, при польскомъ владычествѣ, совершалась казнь преступниковъ, и Кортумова гора.

Въ самомъ городѣ, за библіотекой Ополонскаго, возвышается гора Врынскаго, раньше называвшаяся горой Шембека, граничащая съ горой Пожомскою и Камчой, на которой стоялъ нѣкогда домикъ Варѳоломея Зимаровича, Львовскаго бургомистра и писателя, построенный въ 1656 г.

Всѣ эти холмы спланированы и на ихъ мѣстѣ стоитъ цитадель съ четырьмя фортами на углахъ. Городъ имѣетъ четыре предмѣстья, отъ которыхъ отдѣляется: на западѣ Гетманскими

Львовъ. Курганъ, насыпанный по случаю 300 лѣтія Люблинской уніи.

валами и площадью Глуховскаго; на сѣверѣ—площадью Краковскою, улицею Каменополь и площадью Стрѣлецкою; на востокѣ—улицею Чарнецкою; на югѣ—площадями Бернардинскою, Галицкою и Маріинскою.

Центръ города былъ свидѣтелемъ многихъ событій: такъ въ 1436 г. Владиславъ III Варненчикъ, сынъ Владислава Ягеллы, принималъ тутъ присягу на вѣрность отъ государя молдавскаго Ильяша; въ 1564—1578 и 1582 гг. передъ ратушею обез-

Львовъ. Маріинская площадь.

главлены претенденты на господарство: Томба, Иванъ Подкова и Янкулъ; въ 1615 г. здѣсь же были казнены нѣсколько сотъ конфедератовъ; въ 1624 г. коронный гетманъ Конецпольскій раздавалъ здѣсь гражданамъ на воспитаніе дѣтей, отбитыхъ у татаръ подъ Мартиновомъ. Часто происходили здѣсь и торжества по случаю въѣзда королей и латинскихъ архіепископовъ.

Въ прежнее время на площади вокругъ ратуши были выстроены мелочныя лавки, навѣсы для торговли, гостиницы,— теперь все это снесено, площадь вымощена, ратуша обсажена деревьями. Здѣсь происходитъ торговля молочными продуктами, овощами, плодами, цвѣтами и пр.

Отъ площади на сѣверъ идетъ улица Краковская къ площади того же имени, къ улицѣ Русской, на Подвалъ и Губернаторскій валъ; на югъ—улица Сербская—къ площади Бернардиновъ и улицѣ Галичской на—площадь Галичскую и далѣе до улицы Панской (Дворянской, нѣм. Herrenstrasse); на сѣверозападъ, въ углу площади—улица Трибунальная—къ площади того же имени; на западъ—улица Гетманская, параллельно валамъ, надъ правымъ берегомъ Полтвы, къ площади Маріинской.

Всѣхъ улицъ въ городѣ 246, площадей 24. Въ настоящее время въ Львовѣ свыше 150 т. жителей; изъ нихъ римско-като-

ликовъ свыше 75 тысячъ, греко-католиковъ или уніатовъ свыше 20 тысячъ, старо-католиковъ нѣсколько, русскихъ православныхъ до 500 д., армянъ до 300 д., аугсбургской религіи (нѣмцевъ) до 2.500 д., англиканской до 40 д., евреевъ до 50 т. д. По происхожденію своему городъ Львовъ русско-православный: начало православія относится ко времени славянскаго апостола, св. Меѳодія; принятіе насильственной уніи къ началу XVIII вѣка; по языку и управленію польскій. По мѣстоположенію Львовъ—красивый городъ, онъ утопаетъ въ садахъ.

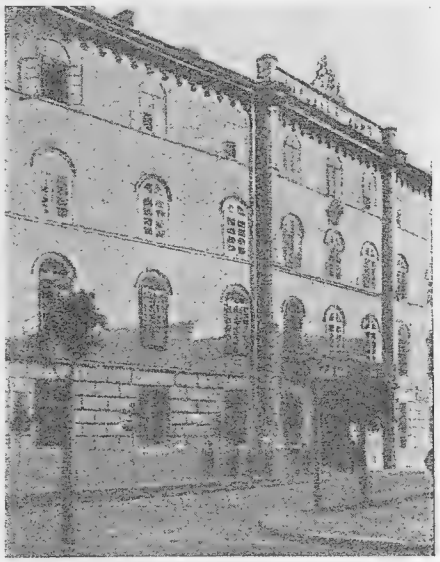
Для русскихъ людей здѣсь заслуживаютъ вниманія: 1, основанное въ Львовѣ въ 1589 г. для защиты православной вѣры и русской народности братство при церкви Успенія Пресвятой Богородицы, нынѣ Ставропигійный Институтъ. Онъ содержитъ: типографію, основанную въ 1593 году первымъ русскимъ книгопечатникомъ москвичомъ Иваномъ Ѳедоровымъ; церковь, церковно-археологическій музей, пансіонъ для бѣдной учащейся молодежи русской народности, школу и пансіонъ для псаломщиковъ, лучшій въ Галичинѣ церковный хоръ; онъ выдаетъ русскимъ гимназистамъ и студентамъ пособія и стипендіи, печатаетъ церковныя книги и т. п.

Львовъ. Успенская церковь и соборъ.

Въ Ставропигіи помѣщаются: залъ засѣданій, канцелярія и старинные памятники. Залъ украшенъ портретами австрійскихъ императоровъ, гербами Дѣдушицкихъ, Острожскихъ и другихъ. Въ небольшомъ шкафу, вдѣланномъ въ стѣну, простой работы, хранятся старинныя ризы: фелонь, вышитая княгиней Ефросиньей Острожской-Зославской, и нѣсколько другихъ, необыкновенно тщательной, изящной работы; эпитрахиль, пожертвованная въ 1691 г. господаремъ молдавскимъ.

Въ шкафу хранятся старинные кресты весьма изящной

работы, окованные тонкой серебряной полоской; изъ нихъ 2 патріаршихъ и 1 митрополичій. По стѣнамъ висятъ старинныя иконы: чудотворный образъ Христа Спасителя, св. Андрея на горахъ Кіевскихъ, трехъ Святителей. Есть старыя рукописи съ собственноручной надписью Выговскаго, Тетери и др., Острожская библія, очень изящный и хорошо сохранившійся экземпляръ, и др.



Львовъ. Народный домъ.

Все здѣсь скромно, но дорого сердцу русскаго человѣка.

2. При ставропигіи находится Успенская церковь, главная русская церковь въ Львовѣ по историческимъ воспоминаніямъ и имѣетъ связи съ Ставропигіей. Въ главномъ куполѣ, поднимающемся надъ срединой храма, помѣщаются четыре герба; 2 молдавскихъ, польскій и русскій съ надписью—«Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ бысть благодѣтель храма сего» *). Въ алтарѣ находится икона Богоматери, одна изъ 12-ти приписываемыхъ кисти св. Евангелиста Луки; на престолѣ большой крестъ—всѣ искусственной работы; старинный иконостасъ виситъ на стѣнѣ; въ ризницѣ замѣчательны плащаница и икона Богоматери.

3. Русскій народный институтъ «Народный домъ», основанный въ 1852 г. на пожертвованія всего русскаго поселенія Галичины. Народный домъ содержитъ: публичную библіотеку, числящую въ себѣ до 80 т. томовъ, музей древности и искус-

*) Въ 90-хъ годахъ XVI столѣтія львовское ставропигійное братство получило отъ царя Ѳеодора Іоанновича слѣдующіе дары: 5 сороковъ соболей и 5 сороковъ куницъ на построеніе Успенской церкви, 50 венгерскихъ червонцевъ на позолоту церковныхъ вратъ, 20 рублей на священниковъ и 10 рублей на госпиталь.

ства, пансіонъ для мужской учащейся молодежи русской народности и воспитательное заведеніе для дѣвочекъ. Онъ построилъ и содержитъ величественную церковь Преображенія Господня, выдаетъ пособія и стипендіи учащейся русской молодежи и т. п. Оба эти учрежденія: Ставропигія и Народный домъ— центры культурной жизни русскихъ людей, для которыхъ нынѣ загорается заря новой жизни, воскресаетъ дорогое прошлое.

4. Св. Юрьевскій или Георгіевскій монастырь на горѣ, древнѣйшій изъ понынѣ существующихъ русскихъ храмовъ въ Львовѣ, выстроенъ, надо полагать, въ первой половинѣ XIV в. при князѣ Георгіи Львовичѣ или Георгіи Андреевичѣ († 1336 г.). При первомъ нашествіи польскаго короля Казиміра В. въ 1340 г., во второй половинѣ апрѣля, по приказанію короля сожженъ. Въ окнахъ находятся иконы: свв. Владиміра и Ольги и свв. Кирилла и Меѳодія. На стѣнѣ находятся портреты митрополитовъ: Ангеловича, Левицкаго, Литвиновича и другихъ.

Изъ другихъ учрежденій Львова заслуживаютъ вниманія: 1) богатѣйшая библіотека Оссолинскихъ съ музеемъ Любомирскаго, основана въ 1817 г., помѣщается тамъ, гдѣ прежде находился монастырь Кармелитовъ и костелъ св. Агнесы; 2) библіотека университета (польскаго); 3) музей графовъ Дѣдушицкихъ; 4) городской промышленный музей. Архивы: 1) городской или бернардинскій въ монастырѣ бернардинскомъ, содержитъ цѣнный матеріалъ для польской исторіи; 2) архивъ дворянскій при отдѣлѣ Краевомъ; 3) архивъ доминиканскій; 4) архивъ архіепископскаго латинскаго капитула; 5) архивъ консисторіальный; 6) архивъ оо. базиліанъ; 7) архивъ оо. кармелитовъ; 8) архивъ грекокатолическій при церкви св. Юрія и 9) архивъ ставропигіальный.

Львовъ. Храмъ Св. Юрія.

Недавно скончавшійся († 1914 г.) др. каноникъ А. С. Петрушевичъ пожертвовалъ Ставропигіи свою богатѣйшую библіотеку и неизданный еще капитальный трудъ свой, словарь этнографическо-топографическій.

Городъ Перемышль, древнѣйшій изъ существующихъ городовъ галичскихъ, основанный, какъ можно полагать, тѣми восточными хорватами, которые въ 907 г. по Р. Х. ходили съ русскимъ княземъ Олегомъ въ Царьградъ. Эти хорваты населяли нынѣшніе округа: Сандецкій, Ясельскій, Санацкій, Самборскій и Стрыйскій.

Перемышль.

Перемышль — столица Перемышльскаго княжества съ 1100 г. до 1141 г. при Володарѣ Ростиславичѣ († 1124 г.), Ростиславѣ Володаревичѣ († 1134 г.), и Владиміркѣ Володаревичѣ, перенесшемъ столъ свой въ Галичъ въ 1141 году.

Подъ стѣнами Перемышля происходили битвы: въ 1098 г. съ венгерскимъ королемъ Коломаномъ и въ 1153 г. между войскомъ Владимірка и союзными войсками кіевскаго в. к. Изяслава Мстиславича и венгерскаго короля Гейзы.

Со смертью Ярослава Остомысла († 1187) Перемышль переходитъ изъ рукъ въ руки. Въ послѣдній разъ городъ Перемышль упоминается въ 1288 г., какъ одинъ изъ городовъ кн. Льва Даниловича.

Въ первыя столѣтія польскаго владычества Перемышль становится однимъ изъ значительныхъ городовъ польскихъ, но съ началомъ XVII в. все измѣняется, Перемышль начинаетъ падать. Паденіе Польши застаетъ Перемышль въ такомъ полномъ упадкѣ матеріальномъ и моральномъ, что бургомистръ города объявляетъ это событіе, какъ радостное, обѣщающее лучшія времена.

На основаніи древнихъ лѣтописей можно утверждать, что

Перемышль былъ сильно укрѣпленнымъ городомъ, но укрѣпленія были деревянныя съ глубокими рвами и высокими насыпями. Что касается первоначальнаго замка, то онъ стоялъ не на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ видны развалины замка, а далѣе на западъ, гдѣ теперь на одной изъ возвышенностей видны три креста. Народъ называетъ это мѣсто «старое замчище». Дворъ же княжескій стоялъ, по свидѣтельству лѣтописи, «внѣ города на лугу надъ р. Саномъ». Отъ него и слѣдовъ не осталось. Казиміръ В. обнесъ городъ каменной стѣной и выстроилъ новый каменный замокъ, развалины котораго видны и теперь.

Замокъ этотъ былъ построенъ на горѣ на юго-западной сторонѣ города, былъ обнесенъ каменной стѣной, надъ которой возвышалось нѣсколько башенъ (изъ нихъ сохранились только двѣ), между которыми была башня Епископская, гдѣ во время нападенія непріятеля укрывались епископъ и католики съ ихъ имуществомъ, и сохранялась городская казна. Позже тамъ помѣщался земскій судъ, былъ складъ книгъ и судебныхъ актовъ. Иногда польскіе короли и члены ихъ семьи при посѣщеніи города останавливались въ замкѣ и долго проживали въ немъ.

Гора, на которой возвышался старый замокъ, была лишена всякой растительности. Со временемъ внѣшность замка совершенно измѣнилась. Старосты часто дѣлали новыя пристройки, то воздвигали новыя башни, то исправляли старыя. Послѣдній староста, жившій короткое время въ замкѣ, былъ Станиславъ Понятовскій, впослѣдствіи король польскій. Онъ послѣдній возобновилъ замокъ. Со времени владычества Австріи замокъ былъ совершенно заброшенъ, онъ обвалился и отъ него остались только двѣ башни и внутреннія стѣны.

Въ 1842 г. замковая улица была обращена въ общественный садъ: въ 1868 г. реставрирована башня въ сѣверо-западномъ углу и внутренняя часть замковой стѣны, которую покрыли крышей, такимъ образомъ замковая гора получила настоящій видъ.

Изъ древнихъ церквей и монастырей, нынѣ не существующихъ, извѣстны: 1) соборная православная церковь св. Іоанна Крестителя, построенная княземъ перемышльскимъ Володаремъ Ростиславичемъ (1092—1124), который въ ней и похороненъ. Въ 1419 г. король польскій Ягайло отдалъ эту церковь латинянамъ, а въ 1470 г. изъ каменнаго матеріала этой церкви

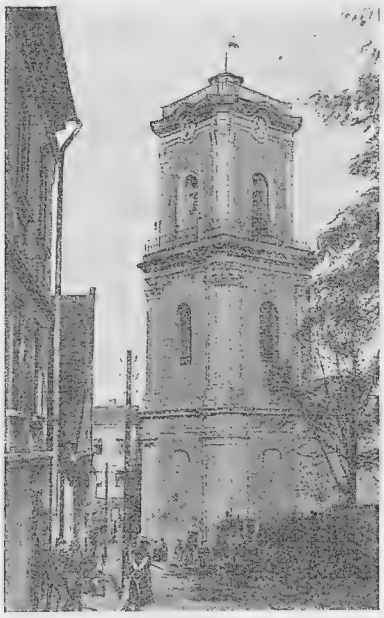
построена пресвитерская часть латинскаго каѳедральнаго Собора въ Перемышлѣ, стоящая на новомъ посадѣ; отъ Соборнаго храма св. Іоанна Крестителя не осталось и слѣда; неизвѣстно даже мѣсто, гдѣ стояла эта церковь. Нынѣ православный соборъ, бывшій кармелитскій, обращенный въ православный при Іосифѣ II; 2) доминиканскій монастырь съ костеломъ, основанный въ 1257 г. Въ настоящее время монастырь перестроенъ на помѣщеніе для суда и тюрьмы. Во дворѣ находится тюремная часовня. Отъ костела не осталось и слѣда. При костелѣ было кладбище. Одного столѣтія достаточно было на то, чтобы уничтожить то, что такъ медленно создавалось въ продолженіе вѣковъ, на что не щадилось ни труда, ни жизни для отстаиванья отъ непріятеля, и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ древній стольный градъ Володаря и Владимірка, построенъ новый городъ, весьма отличный отъ прежняго и своей внѣшностью, и положеніемъ, и назначеніемъ.

На мѣстѣ прежнихъ храмовъ возвысились казармы, фабрики или тюрьмы; на мѣстѣ старинныхъ деревянныхъ и каменныхъ одноэтажныхъ домиковъ поднялись многоэтажныя зданія; башни и городскія стѣны исчезли и замѣнены редутами и крѣпостью на разстояніи мили отъ города; и тамъ, гдѣ прежде стояли мазанки подгородныхъ жителей, теперь выросъ великолѣпный дворецъ-вокзалъ. Все это произвелъ одинъ вѣкъ, вѣкъ пара и электричества, вѣкъ, который такъ же быстро уничтожаетъ остатки старины, какъ и создаетъ новое,—вѣкъ, который, какъ лавина, быстро пронесся по древнему городу, сметая все, что ему мѣшало на дорогѣ, и оставляя потомству такъ мало воспоминаній о предкахъ.

Нѣсколько древнихъ храмовъ, нѣсколько узкихъ, высокихъ каменныхъ зданій на рынкѣ, съ двумя или тремя окнами съ фронта, поддерживаемыхъ большими каменными подпорками, часть городской стѣны на Владычной улицѣ, двѣ башни и развалины замка—вотъ и все, что осталось отъ древняго города и что говоритъ о его древности.

Городъ Перемышль лежитъ на правомъ берегу Сана, притока Вислы, на сѣверномъ склонѣ холма, принадлежащаго къ среднегалицкимъ Карпатамъ, на вершинѣ котораго находится курганъ, извѣстный въ народѣ подъ именемъ «Зиссенье», или кургана татарскаго. Этотъ курганъ расположенъ на границѣ деревни Пикулицы и представляетъ собой продолговатый тре-

угольникъ, основаніемъ обращенный на западъ отъ замка. На верхушкѣ кургана стоитъ часовня изъ кирпича съ колоннами, карнизами и сводами въ стилѣ Возрожденія. Время постройки ея опредѣляется приблизительно не болѣе какъ за 250 лѣтъ до настоящаго времени. Когда и для какой цѣли насыпанъ курганъ, неизвѣстно. По народному преданію, здѣсь происходила битва поляковъ съ татарами, которые были разбиты и въ числѣ убитыхъ былъ ханъ, останки котораго погребены на горѣ подъ Перемышлемъ, и на могилѣ его насыпанъ курганъ, который и назвали «татарскимъ» или «Знесеньемъ», въ память разгрома татаръ. По другому преданію, курганъ соединялся съ замкомъ подземнымъ ходомъ, въ которомъ будто бы находятся разное оружіе и драгоцѣнности. Однако, всѣ произведенныя здѣсь раскопки не привели ни къ чему. Еще въ началѣ XIX вѣка къ этой часовнѣ ходилъ крестный ходъ на второй день Пасхи. Этотъ крестный ходъ назывался «Путешествіемъ въ Эммаусъ».



Перемышль.

Городъ имѣетъ четыре предмѣстья: въ юго-западной сторонѣ лежитъ предмѣстье Подзамчище съ частями: Цибулянской и Кременицкой, въ южной сторонѣ—предмѣстье Подгорье, въ юго-восточной и восточной сторонахъ—Львовское предмѣстье съ частями: Благовѣщенской, Форштеровой, Горбачомъ, Мнишка Подскалье, Всадной и Владычной. Владычной называлась юго-восточная часть города, среди которой стоитъ православный каѳедральный соборъ. Площадь у церкви была первоначально свободна; въ 1550 г. епископъ Антоній Радымовскій получилъ отъ Сигизмунда-Августа привилегію на возведеніе построекъ на площади, съ условіемъ окружить ее каменной стѣной. Епископъ построилъ дома, въ которыхъ помѣстилъ клиръ, своихъ

слугъ и ремесленниковъ. На лѣвомъ берегу Сана лежитъ предмѣстье Засанье съ частями: Бѣлочной, Казанавымъ, группой Хатъ, Бокп и недалеко на сѣверо-западъ—Липовицами. Предмѣстье это соединяется съ городомъ мостомъ, который существовалъ уже въ 1554 г., впослѣдствіи возобновленный.

Что касается до мѣстоположенія Перемышля, то это одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Галичины. Красивѣе всего представляется онъ съ большой дороги, ведущей къ р. Вярѣ. Главнымъ пунктомъ панорамы служитъ гора замковая, покрытая деревьями, съ развалинами замка. На югѣ возвышается Знесеніе; на Засаньѣ, на полѣ, называемомъ Бабиномъ, принадлежащемъ монастырю бенедиктинцевъ, возвышается курганъ Бабинецъ. Съ горы замковой городъ представляется живописно раскинутымъ по скатамъ холма, съ многочисленными башнями святынь, въ рамкѣ садовъ предмѣстій, на зеленомъ фонѣ широкой долины Сана, съ юга замыкающейся синѣющими вдали вершинами Бескидъ. Мы говорили уже о паденіи торговли Перемышля ко времени захвата Австріей. Поворотъ къ лучшему наступилъ лишь въ новѣйшее время, съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ на Перемышль. Съ 1872 г. стали возникать здѣсь фабрики и заводы. Изъ фабрикъ главнѣйшая желѣзодѣлательная: машинная, экипажей,—заводъ литейный, спирта, рома и ликеровъ; первая мельница американской системы. Народонаселеніе города состоитъ: изъ римско-католиковъ до 15 т. чел., грекокатоликовъ до 8 т. чел., евреевъ до 10 т. чел., иныхъ вѣроисповѣданій около 150 чел., всего около 35 т. чел.

Перемышль. Улица Костюшки.

На гористомъ берегу Днѣстра, при сліяніи рѣкъ Луквы, Чечвы (ныи. Ломницы) и Гнилой Липы съ Днѣстромъ лежитъ

нынѣ захудалый городокъ Галичъ, бывшій стольный городъ Галичскаго княжества Владимірка Володаревича (1141), Ярослава Осмомысла, что «сидѣлъ на своемъ золото-кованномъ столѣ, подпирая горы Угорскія, затворяя ворота Дунаю» («Слово о полку Игоревѣ»), Романа Мстиславича и Даніила Романовича. Годъ основанія Галича неизвѣстенъ. Можно, однако, предполагать, что городъ Галичъ заложенъ Владиміромъ святымъ въ 993 году, когда онъ ходилъ со своими полками «на хорваты». Тогда-то, вѣроятно, разрушивъ неизвѣстный по имени хорватскій главный городъ, Владиміръ и основалъ, по близости прежняго, новый городъ Галичъ. Очень можетъ быть, что и разрушенный имъ городъ назывался Галичъ и былъ основанъ еще до Р. Х. галлами или кельтами.

Изъ древняго описанія города Галича видно, что онъ стоялъ непосредственно на Днѣстрѣ, чрезъ который деревянный мостъ велъ въ городъ, расположенный, какъ и нынѣ, подъ замковою горою; на ней находился княжескій дворъ, близъ котораго стоялъ домовый храмъ князей, называвшійся Спасской божницей. Горный замокъ образовалъ въ южной части города сильную крѣпость, называвшуюся *дѣтинцемъ*. Этотъ древній русскій вышгородъ съ двухъ сторонъ, съ востока и запада, подпирали внизу городскіе земляные валы, а отъ р. Днѣстра съ сѣвера его оборонялъ также нѣкогда третій валъ, уже сильно размытый Днѣстромъ, уничтожившимъ большую часть первоначальнаго города. Галичскій замокъ построенъ на косогорѣ, выходящемъ на сѣверъ къ Днѣстру. Оставшіяся отъ замка каменныя стѣны возведены были Казиміромъ В. на древнихъ развалинахъ такихъ же стѣнъ, ведущихъ свое начало съ незапамятныхъ временъ и сдѣланныхъ изъ разнаго матеріала. Уцѣлѣли до сихъ поръ еще большіе погреба. Въ этомъ самомъ мѣстѣ стоялъ дворъ князя Владимірка, и имъ опредѣляется древній посадъ г. Галича. Самый городъ распространялся съ сѣвера на западъ у подошвы нынѣшней замковой горы; внутри еще нынѣ видны два большіе вала, подходящіе къ той же горѣ, между тѣмъ, какъ третій валъ рѣками Днѣстромъ и Луквой давно разрушенъ.

За упомянутыми городскими валами, замковою горою и р. Луквою распространялись галицкія предградія, изъ которыхъ самое большое было Залуковское, которое, по всей вѣроятности, уже во время княженія Даніила Романовича преобра-

зилось въ городъ *Галичъ* за *Луквою*, гдѣ нынѣ находится с. Залуково съ своими пахотными полями. Эта часть города Галича доходила даже до нынѣшняго селенія св. Станислава, въ которомъ находятся подводныя земляныя укрѣпленія, нынѣ уже немного размытыя и застроенныя сельскими хатами; тамъ въ срединѣ четвероугольника земляныхъ валовъ стоитъ костелъ св. Станислава, выстроенный изъ каменнаго матеріала бывшаго храма св. Пантелеймона. Отсюда шелъ, такъ называемый, Спасскій путь, доходившій до Спасской, такъ называемой, Преображенской церкви. Эта церковь стояла въ городѣ Галичѣ за Луквою, вблизи нѣкогда находившихся здѣсь нѣмецкихъ воротъ города Галича и была, по всей вѣроятности, построена княземъ Даніиломъ Романовичемъ на западной окраинѣ города, «дабы Спаситель міра охранялъ столицу княжества отъ нашествія непріятеля»,—какъ это водилось въ другихъ городахъ русскихъ. Каменныя основанія этой церкви открыты при раскопкѣ въ 1882 г. въ мѣстности, называемой «Бѣдуномъ», гдѣ въ древности оканчивалась западная часть города и находились нѣмецкія ворота, за которыми къ западу возвышалась загадочная «Галичина могила», о которой упоминается въ XIII в. въ Галиц. Вол. лѣтописи. Вся западная часть города Галича за Луквою образуетъ гористый берегъ, внизу котораго течетъ р. Ломница, притокъ Днѣстра. Отъ нынѣшней замковой горы, древняго дѣтинца, до нѣмецкихъ воротъ, включая Залуковскій Галичъ, длина города доходила едва до одной мили, при чемъ Питричское и Крылосское городища образовали его западныя окраинныя укрѣпленія, на правомъ гористомъ побережьѣ р. Луквы.

Нѣтъ сомнѣній, что также за замковой горой, въ нагорной части города Галича, распространялось его южное предградіе въ большомъ загибѣ р. Днѣстра, начиная отъ Волославья, Питрича и дальше высокимъ побережьемъ даже до большого и древнѣйшаго городища Крылосскаго, съ подгородьемъ у подошвы того же Крылосскаго гористаго побережья. Упомянутая южная часть галицкаго предградія была ограждена не только своимъ гористымъ положеніемъ, но также р. Днѣстромъ и земляными укрѣпленіями, внизу, къ востоку отъ Питрича находящимися, и самымъ Питричскимъ городищемъ; его земляные валы, нынѣ разрушенные, образуютъ продолговатую эспланаду, на которой теперь стоитъ усадьба помѣщика. На упомянутомъ го-

ристомъ побережьѣ, начинающемся отъ замка, продолжающемся до р. Крылоса и подмываемымъ р. Луквою, почти на половинѣ дороги изъ города Галича въ село Крылосъ, возвышался древній монастырь св. Іоанна Крестителя, гдѣ въ 1189 г. похоронены были бренные останки несчастнаго кн. Ростислава Ивановича, убитаго уграми. Тутъ же похоронены: отецъ Ростислава, кн. Иванъ Берладникъ и дѣдъ его, кн. Ростиславъ Володаревичъ (1126 г.). Мѣстность, гдѣ стоялъ этотъ монастырь, называется нынѣ Ивановымъ полемъ, или Ивановкою, и теперь принадлежитъ къ столовымъ имѣньямъ галицкаго уніатскаго митрополита, вмѣстѣ съ Крылосомъ. Дальше къ западу находилась каменная церковь св. Иліи пророка, и другія церкви, расположенныя предъ древнимъ Крылосскимъ монастыремъ, основанія которыхъ были открыты въ новѣйшее время вмѣстѣ съ каменными основаніями церкви надъ пещерою, со входомъ въ нее отъ р. Луквы въ горѣ, принадлежащей с. Викторову. Описанная здѣсь гористая, нынѣ часть лѣсомъ поросшая, клинообразная полоса земли, съ ея городищами, монастыремъ и церквами, изслѣдуемая археологическими раскопками, подобна той плоской возвышенности, которая тянется между рр. Луквою и Днѣстромъ, изобилуетъ хорошими источниками и съ древнѣйшихъ временъ удобна для поселенія.

Съ праваго, нагорнаго берега р. Луквы, проходя дорогою съ восточной стороны галицкаго замка, у подошвы замковой горы, съ лѣвой стороны той же дороги, стоялъ монастырь оо. доминиканцевъ въ предградіи Езупольскомъ. Первое появленіе оо. доминиканцевъ и францисканцевъ въ городѣ Галичѣ относится къ 1362—69 гг. Съ правой стороны Езупольской дороги уцѣлѣла до сихъ поръ церковь св. Николая Чудотворца (Микульская). Въ нын. церкви св. Николая, построенной въ 1702 г., при обновленіи ея въ 1870 г. открыты подъ помостомъ въ землѣ, внутри церкви, шесть, такъ называемыхъ, кельтовъ, вылитыхъ изъ бронзы, въ родѣ долота съ однимъ дискомъ.

Что древняя столица Галичскаго княжества городъ Галичъ стоитъ и нынѣ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ, на то указываетъ его стратегическое положеніе на правомъ, высокомъ берегу р. Луквы, развалины дѣтинца и мѣстоположеніе бывшей Соборной Богородичной церкви. Наконецъ, большая древность мѣстности нынѣшняго нагорнаго города Галича, доходящая даже до временъ языческихъ, доказывается еще и тѣмъ, что

на южной, нагорной сторонѣ его, за нынѣшнимъ галичскимъ замкомъ, находится урочище, называемое Волославьемъ, т.-е. Волосославьемъ, гдѣ, подобно тому, какъ въ Кіевѣ языческому богу Перуну, такъ здѣсь скотьему богу Велесу языческіе предки нынѣшнихъ галичанъ приносили жертвы и славили его. Эта мѣстность нынѣ представляетъ прекрасную удольную равнину за галичскимъ замкомъ, на горѣ, съ лѣвой стороны дороги, ведущей къ с. Крылосу и теперь продолжающейся до усадьбы мѣщанина Сеплова. Въ порѣчьяхъ рр. Стрыя и Днѣстра находилось и нынѣ находится большое пастбище, гдѣ языческіе предки пасли скотъ.

Гуцулъ.

Въ близкомъ разстояніи отъ города Галича, къ югу, есть еще двѣ мѣстности, носящія языческія названія, гдѣ сохраняются слѣды древнихъ укрѣпленій. Первая — городъ, называемый Езуполь и лежащій при впаденіи р. Быстрицы въ Днѣстръ, до конца XVI столѣтія былъ извѣстенъ подъ именемъ Чешпбѣсы; другая—также городъ, Маріуполь, напротивъ Езуполя съ лѣвой стороны Днѣстра, стоящій на высокомъ косогорѣ, былъ основанъ на мѣстѣ с. Волчкова, въ древности Божій видъ (Боговитъ). Близъ города Езуполя, за р. Быстрицей, на горѣ, наз. Бойне, находится пещера въ большой скалѣ, гдѣ, должно быть, проживали монахи, такъ какъ тамошнія каменныя ущелья народъ называетъ монастыремъ. На этой горѣ собрано много предметовъ каменнаго вѣка. Здѣсь же открыта каменная плитка съ изображеніемъ двухъ противостоящихъ одинъ другому драконовъ, сберегающаяся у мѣстнаго помѣщика, который при раскопкахъ нашелъ здѣсь огнище (очагъ). Древность поселенія

въ окрестностяхъ Галича, особенно же праваго берега р. Луквы, превосходитъ далеко время господства восточныхъ хорватовъ въ этихъ странахъ, доказательствомъ чего служатъ человѣческія издѣлія изъ кости и бронзы, открываемыя на правомъ берегу р. Луквы, т.-е. въ Крылосскомъ городищѣ, и отсюда къ западу въ могилахъ, находящихся на поляхъ и въ лѣсахъ сосѣдняго большого с. Викторова, на томъ же Луковскомъ побережьѣ расположеннаго. Судя по недавнимъ археологическимъ раскопкамъ, эта мѣстность была нѣкогда въ тѣсной связи съ Крылосскимъ монастыремъ и составляла часть древняго Галича, который распространялся по правой сторонѣ р. Луквы. Село Викторово, нынѣ раздѣляющееся на Дальній и Горній Викторовъ, своимъ происхожденіемъ и названіемъ относится къ половинѣ XVI в. При раскопкахъ въ 80-хъ годахъ шести могилъ въ Викторовыхъ лѣсахъ, кромѣ человѣческихъ костей, большой пепельницы въ видѣ вазы съ двумя ушками, открыты также трехгранные топорики, одинъ изъ чернаго, другой изъ бѣлаго камня *); найденъ еще ножъ, тоже изъ бѣлаго камня, безъ рукоятки, въ серединѣ просверленный (переданъ въ Краков. кабинетъ древностей); найдены и другіе предметы; наконецъ, по всему гористому побережью р. Ломницы и среднему теченію р. Луквы попадаются различные предметы изъ камня. Не менѣе замѣчательна пещера, открытая въ с. Викторовѣ, въ гористомъ побережьѣ, при впаденіи р. Луквицы въ Лукву, въ самомъ ихъ междурѣчьи, вверху пещеры откопаны въ землѣ остатки церковнаго фундамента изъ мергеля и рѣчного камня; тамъ же найденъ и раскрашенный кирпичъ. Изъ такого рода кирпичей или изразцовъ сохранилась небольшая часть церковнаго помоста въ церковномъ фундаментѣ, открытомъ на западной сторонѣ отъ костела св. Станислава близъ города Галича. Такимъ образомъ умножается матеріалъ для изученія древней русской керамики; въ этомъ отношеніи особеннаго вниманія заслуживаютъ прекрасные узорные изразцы, открытые при раскопкахъ, сдѣланныхъ въ древнемъ княжескомъ Бѣлгородѣ близъ Кіева, гдѣ оказались изразцы изъ бѣлой межигорской глины и красной бѣлозерской, съ узорами древняго стиля, иногда покрытые кафельною глазурью съ узоромъ. Разрушенная церковь, ка-

*) Замѣчательно, что издѣліе изящныхъ топориковъ составляетъ спеціальность гуцуловъ—галицкихъ горцевъ.

мешные фундаменты которой обнаружены вверху упомянутой пещеры, могла быть церковью св. Николая Чудотворца, ибо вблизи ея до сихъ поръ стоящая деревянная церковь с. Дальняго Викторова посвящена тому же святому, память котораго съ давнихъ временъ почитается мѣстными жителями. Пещерныя церкви уцѣлѣли даже до сихъ поръ, какъ, напримѣръ, хорошо сохранившаяся пещерная монастырская церковь св. Іоанна Крестителя въ с. Улашковцахъ, близъ р. Серета и другая надъ тою же рѣкою запущенная пещерная церковь съ алтаремъ, высѣченнымъ въ камнѣ, съ большимъ погребомъ, имѣющимъ въ своихъ стѣнахъ усыпальницы. Глубокая древность Крылосскаго городища доказывается тѣмъ, что здѣсь нерѣдко открываются издѣлія каменнаго и бронзоваго вѣковъ, не принадлежащія ни румынамъ, ни готамъ, ни славянамъ. Приходится относить ихъ къ кельтамъ, которые оставили здѣсь свои слѣды и во многихъ топографическихъ названіяхъ. Всего труднѣе отыскать первоначальное названіе нын. названія с. Крылоса, скрывающее прежнее имя древняго хорватскаго городища, господствовавшаго нѣкогда своимъ стратегическимъ положеніемъ въ области нынѣшняго Галича, прежде основанія послѣдняго.

Въ этомъ отношеніи самое положеніе древней «Галичиной могилы», между рр. Луквою и Ломницею, въ виду нагорнаго Крылосскаго городища, по свидѣтельству галичс. волын. лѣтописи, могилы, давшей названіе самому городу Галичу, наводитъ на мысль, не происходитъ ли она со времени разоренія неизвѣстнаго намъ по имени хорватскаго города, въ земляныхъ валахъ и рвахъ котораго распространяется нынѣшнее Крылосское поселеніе. Въ Галичиной могилѣ поиски не открыли ничего. Къ западу, въ сосѣднемъ Комаровѣ, надъ р. Луквой лежащемъ, находятся семь большихъ могилъ, которыя своимъ числомъ и содержимымъ доказываютъ, что онѣ насыпаны на мѣстѣ побоища, такъ какъ раскопкой одной изъ нихъ въ 1861 г. обнаружено большое число польскихъ монетъ XV в., что говоритъ за ихъ новѣйшее происхожденіе.

Въ виду города Галича, на заднѣпровскихъ, нѣкогда его земляхъ, встрѣчаются старыя могилы, которыя ждутъ еще своего изслѣдователя. Эти могилы тянутся съ ю.-з. къ с.-з. Изъ нихъ особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ *дупныя* могилы. Могилы такого наименованія встрѣчаются и въ Подоліи. Слово «дупная»

происходитъ отъ старослав. «дупина» (Höhle) и могло означать могилу, внутри пустую или съ погребомъ. Древность и значеніе другихъ могилъ тѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія, что также у западныхъ славянъ и въ дальнихъ прибалтійскихъ странахъ встрѣчаются могилы такого же наименованія. Изъ этого можно заключить, что могилы подобнаго рода принадлежали славянамъ, когда онѣ, по языческому обряду, насыпались надъ бренными останками предковъ. Археологическія раскопки могутъ бросить свѣтъ на происхожденіе этихъ могилъ. Изъ содержанія находящагося около нѣкоторыхъ изъ нихъ мусора можно заключить, что въ этой мѣстности находились каменныя зданія и что она въ древности была населена. Нѣтъ сомнѣнія, что Галичину могилу, какъ и нѣкоторыя могилы въ селахъ Крылосѣ, Викторовѣ, Комаровѣ, самую большую могилу въ Дубовцахъ, близъ Галича, и дупныя могилы близъ «Быкова болота», надо отнести къ доисторическимъ временамъ, и именно, къ борьбѣ славянъ съ готами, разбитыми въ борьбѣ съ гуннами и спасшимися бѣгствомъ отсюда въ Семиградскую область.

За юго-западною стѣною или стѣною Галича за Луквою, въ небольшомъ разстояніи, лежитъ сельцо Соколъ, возникшее близъ монастыря св. Василія В., стоявшаго нѣкогда на гористомъ побережьѣ надъ р. Ломницею. Названіе монастыря и потомъ и села Сокола и самой мѣстности произошло отъ скалистаго обрыва, т.-е. Сокола *), на которомъ стоялъ этотъ древній укрѣпленный монастырь, и потомъ около него расположилось и сельцо того же имени.

Древность Сокольнаго монастыря удостовѣряется грамотами. Чудотворная икона Пресвятой Богородицы изъ Сокольнаго монастыря перенесена была нѣкогда въ часовню, находившуюся въ Крылосской колокольнѣ (нынѣ въ Крылосской церкви). Закрытіе этого монастыря, ведущаго начало отъ временъ самостоятельнаго политическаго бытія галицко-русскаго народа, послѣдовало въ польское владычество въ 1756 г. Нѣнышнее сельцо Соколъ имѣетъ приходскую церковь во имя «Положенія ризы Пресвятой Богородицы во Влахернѣ», причисленную къ Крылосскому приходу. Къ ю.-в. отъ Сокольнаго монастыря находится Галичина могила.

---

*) Наименованіе «Соколъ» часто встрѣчается въ Босніи и Сербіи, обозначая высокую, крутую скалу.

Достовѣрнѣйшимъ же доказательствомъ древности нынѣшняго Галича служитъ уцѣлѣвшая до настоящаго времени бывшая галицкая Соборная Богородичная церковь, нынѣ приходская въ честь Рождества Христова. Эта древняя галицкая каменная церковь стояла въ самой срединѣ города Галича, подъ древнимъ дѣтинцемъ, гдѣ уже въ первой половинѣ XII в. находился дворъ и божница галицкаго князя Владимірка Володаревича. Неудивительно, поэтому, что въ продолженіе 700 лѣтъ, какъ самая церковь, такъ и внутренній городъ между валами были засыпаны землею, нанесенною водою источника, вытекающаго изъ-подъ замковой горы. Послѣднее наводненіе нижней части галицкой церкви послѣдовало съ приближеніемъ р. Днѣстра къ городу Галичу, вслѣдствіе поднятія ея русла и затопленія вѣками водою изъ источника замковой горы, подъ которою церковь стоитъ. Постепенно Днѣстръ уничтожилъ большую часть города и теперь продолжаетъ приближаться почти ежегодно къ городу съ сѣверной стороны, разрушая половодіемъ свой гористый берегъ и приближаясь къ церкви.

Галичанка.

Соборная Богородичная церковь восходитъ своимъ началомъ до перваго учрежденія Галицкаго княжества въ первой половинѣ XII в. и съ тѣхъ поръ она состояла Соборною церковью города Галича до второй половины XIV в., когда съ разрушеніемъ сводовъ, а потомъ съ построеніемъ монастыря оо. францисканцевъ предъ самымъ фронтомъ разрушенной галицкой соборной церкви, по приказу польскаго короля Казиміра Великаго въ 1367 г. русскіе святители переселились въ Богородичный Успенскій монастырь, въ селеніе, названное Клиросомъ, такъ какъ съ тѣхъ поръ святители тамъ проживали съ своимъ клиромъ.

Судьба этого древняго храма заслуживаетъ вниманія русскихъ людей, такъ какъ онъ—древнѣйшій на Руси памятникъ византійско-русскаго зодчества, уцѣлѣвшій до сего времени. Съ первымъ возникновеніемъ Галицкаго княжества, Соборная Богородичная церковь въ городѣ Галичѣ приняла въ свои каменныя стѣны бренные останки первыхъ знаменитыхъ галицкихъ князей: Владимірка Володаревича и сына его, Ярослава Осмомысла, Ростиславичей, и другого родоначальника галицкихъ князей, Романа Мстиславича. Нѣтъ сомнѣнія, что церковь эта во время оборонъ отъ непріятеля много пострадала въ своемъ внутреннемъ и внѣшнемъ устройствѣ. Но наибольшее опустошеніе испытала церковь въ нашествіе татаръ, страшно разграбившихъ Галицкую землю. Однако, и при этомъ разгромѣ она, благодаря толщинѣ своихъ каменныхъ стѣнъ, до сихъ поръ держится, хотя при послѣдующихъ непріятельскихъ нашествіяхъ была лишена своей верхней части, т.-е. сводовъ и средняго большого купола.

Въ горной части церкви до сихъ поръ уцѣлѣли только двѣ толстыя арки, поддерживавшія нѣкогда большой средній куполъ; одна изъ нихъ видна надъ новопридѣланнымъ иконостасомъ, другая—противъ нея, почти въ срединѣ церкви. Обѣ арки находятся среди внутреннихъ стѣнъ церкви и были до 1825 г. внѣ стѣнъ поддерживаемы четырьмя фортэскарпами. Первоначальные своды сохранились частью въ сѣверномъ притворѣ, въ цѣлости же—въ южномъ. Первоначальные своды сохранились также по обѣимъ сторонамъ главнаго алтаря, куда входятъ особыми дверями, т.-е. самая внутренняя церковь и западная паперть ея совершенно лишены своихъ каменныхъ сводовъ, которые замѣнены деревяннымъ потолкомъ и крышей, а такъ какъ послѣдніе устроены въ 1825 г., то по случаю своей совершенной ветхости грозятъ паденіемъ, почему служеніе въ церкви запрещено.

На основаніи новѣйшихъ раскопокъ установлено, что древняя соборная галицкая церковь засыпана на четыре метра землей, вѣками сползавшей съ сосѣдней замковой горы. Во время послѣдняго обновленія церкви, т.-е. покрытія каменныхъ стѣнъ ея деревянными потолкомъ и крышей въ 1825 г. архитекторъ, при испытаніи глубины фундамента каменныхъ стѣнъ удостовѣрился въ томъ, что развалины главнаго купола ея лежатъ теперь въ срединѣ церкви, на пять локтей въ глубину земли.

Вотъ почему тогда, по недостатку матеріальныхъ средствъ, покрытіе церкви каменными сводами, куполомъ и вежами не могло быть осуществлено. По древнему обычаю на Руси, погребались святители, князья и бояре внутри церкви, въ боковыхъ притворахъ, а потомъ въ придѣлахъ ея. Подъ нынѣшними нововыкованными южными и сѣверными дверями и внутри церкви должны находиться первоначальныя двери въ нижней засыпанной части церкви, а подъ первоначальнымъ помостомъ церковнымъ въ притворахъ и въ самой внутренней церкви, гдѣ, по свидѣтельству лѣтописей, похоронены были галицкіе князья, должны находиться склепы, при чемъ должны оказаться и древнѣйшіе русскіе надгробные памятники. Если въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, такъ это въ томъ, что для полнаго возстановленія древней галицкой церкви требовалась бы раскопка со всѣхъ сторонъ ея, дабы она могла предстать въ своемъ первоначальномъ величественномъ видѣ, для чего недостаетъ убогой Галицкой Руси потребныхъ матеріальныхъ средствъ при нынѣшнемъ жалкомъ національномъ положеніи русскихъ галичанъ, средства которыхъ шли на возстановленіе латинскихъ костеловъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ самомъ городѣ Галичѣ, т.-е. внутри земляныхъ валовъ его, находились еще другія святыни, которыхъ существованіе можетъ быть случайно открыто лишь раскопкой.

Будемъ надѣяться, что съ зарей новой жизни для Галицкой Руси взойдетъ заря и для ея святынь, скрытыхъ въ землѣ или засыпанныхъ ею.

Есть еще одинъ древній галицкій городъ, представляющій нѣкоторый интересъ, это Коломыя. Въ Ипат. лѣтописи подъ 1240 г. упоминается коломѣйская соль; значитъ городъ Коломыя уже существовалъ. Есть предположеніе, что названіе «Коломыя» происходитъ отъ латинскаго «Colonia» и что здѣсь нѣкогда существовала римская колонія. Въ связи съ этимъ предположеніемъ распространено преданіе о пребываніи въ этой колоніи римскаго поэта Овидія († 17 г. по Р. Х.) на горѣ его имени, вблизи города. Есть указаніе на то, что р. Прутъ въ древности называлась «Мыя». Если бы можно было опредѣлить то время, когда это было, то этимъ самымъ можно было бы опредѣлить и время основанія, приблизительно, конечно, города «Коломыя». И въ этомъ предположеніи легко было бы объяснить слово «Коломыя», какъ города «около р. Мыя». Городъ Коломыя

лежитъ на лѣвомъ берегу Прута на линіи Черновицы—Львовъ, между Черновицами и Галичемъ. По преданію, нынѣшній городъ занимаетъ уже третье мѣсто. Въ 1627 г. татары уничтожили его огнемъ, и тогда онъ былъ перенесенъ на болѣе удобное для обороны мѣсто. Чрезъ три года городъ снова возникъ съ валами, башнями и воротами. Древній укрѣпленный замокъ часто подвергался нападенію непріятелей: нападали на него волохи, татары, турки.

Галичанинъ.

Коломыя былъ долго окружнымъ городомъ, а съ уничтоженіемъ округовъ сталъ повѣтовымъ (уѣзднымъ) и однимъ изъ культурныхъ русскихъ центровъ Галичины. Жителей въ немъ около 12 т., на половину католиковъ, менѣе русскихъ и часть евреевъ, въ рукахъ которыхъ вся торговля. Здѣсь сильно развитъ мельничный промыселъ; значительная вывозная торговля мясомъ, зерномъ и спиртомъ. Мясо вывозится преимущественно въ Вѣну. Изъ Одессы привозятся сюда сушеная рыба.

Городъ окруженъ съ юго-восточной стороны лѣсистыми горами, изобилуетъ скотомъ, откармливаемымъ мѣстными мѣщанами. Въ городѣ есть древняя церковь Благовѣщенія, древнерусской архитектуры, съ крышей въ два яруса. Крыша и стѣны церкви совершенно почернѣли отъ времени. Церковь возстановлена въ 1623 г.; колокольня стоитъ отдѣльно. Согласно преданію, здѣсь былъ въ XIII в. монастырь, разрушенный татарами въ 1623 г., а его имущество, котораго татары не могли увезти съ собою, брошено было тутъ же въ находящееся вблизи озеро. Въ церкви, замѣчательной по древности, есть запрестольный образъ во всю стѣну, бывшій иконостасомъ въ первона-

чальной церкви. Онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ рядовъ небольшихъ квадратныхъ иконъ. Городъ довольно хорошо обстроенъ.

Въ горахъ Галичины есть прекрасныя минеральныя воды: въ Щавницѣ, Криницѣ и Ивоничѣ. Щавницы чрезвычайно красивы по мѣстоположенію. Это крайній пунктъ чрезвычайно интереснаго «вылета» по Дунаевцу въ одно-деревкахъ, по мѣстному называемыхъ «ворами», т.-е. плотами. Это единственный въ этомъ родѣ «вылетъ» въ славянскихъ земляхъ. Берега Дунаевца, притока Вислы, представляютъ цѣпь лѣсистыхъ горъ, среди которыхъ мѣстами возвышаются скалы. Это— Пининская цѣпь, образовавшаяся изъ окаменѣлаго известняка.

Плоты по Дунаевцу отчаливаютъ отъ такъ называемаго «Червоннаго монастыря», принадлежащаго каштулу грекокатолическаго епископства въ Еперьѣ въ сѣверной Венгріи, куда отправляются въ омнибусѣ или фаэтонѣ изъ извѣстнаго европейскимъ туристамъ Попрадъ-Фюлке, на линіи Рутка—Кошицы.

Карта Галицкой Руси.

Межбиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки